

Р. Л. СТИВЕНСОН

Павильон на дюнах

ДЕТГИЗ : 1946

Р. Л. СТИВЕНСОН

C-80

ПАВИЛЬОН НА ДЮНАХ

Перевод ИВ. КАШКИНА

Рисунки Т. Масриной

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1946 Ленинград

К читателям

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

695518 Кб пер

Российская государственная
детская библиотека

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

Книги Стивенсона занимают место на книжной полке школьника рядом с Робинзоном Крузо и Гулливером, Дон-Кихотом и Айвенго. Стивенсон увлекательно рассказывает об «Острове Сокровищ», о приключениях «Похищенного» — Дэвида Бальфура, о жизни на островах Тихого океана. Много позднее, когда школьник становится взрослым, он снова берется за книги Стивенсона и находит в них много нового, раньше недостаточно им оцененного. Теперь его интересует не только их занимательный сюжет, теперь ему виднее ясность и благородство замысла, большое художественное мастерство, привлекательный облик самого писателя, отраженный в героях его книг.

Что ценит в своих героях Стивенсон? Прежде всего мужество, упорство в достижении поставленной цели, правдивость и прямоту, любовь к людям и отзывчивость. Всеми этими качествами он наделяет своих любимых героев и показывает, каким становится человек, который этих качеств не имеет. А в самом Стивенсоне особенно привлекательна та борьба за свое писательское дело, которую всю жизнь вел этот хрупкий человек. Бороться

Стивенсон начал прежде всего с самим собою, преодолевая свои болезни и слабость.

Маленький Роберт Льюис был сыном и внуком шотландских инженеров, знаменитых строителей маяков. Он и сам рассчитывал стать борцом с морской стихией, спасителем кораблей, с трудом пробирающихся сквозь туманы и бури среди гибельных отмелей и скал. Он готовился к этому, написал работу о новом источнике перемежающегося света для маяков-мигалок; изучал влияние лесов на береговые туманы. Но слабые легкие, а потом и открывшаяся у него чахотка заставили его не бороться с шотландскими туманами, а, по предписанию врачей, бежать от них в теплый климат Южной Франции.

Если бы Стивенсон рассказывал только о своей жизни, получились бы книги безотрадные, вовсе не такие, какие он писал. Правда, были и в его жизни счастливые просветы: он с увлечением писал о юношеских скитаниях пешком по Франции или о последних годах жизни, проведенных на благословенных островах Тихого океана. Но большая часть жизни прошла у него в борьбе со страшной болезнью, с вызванной ею слабостью и беспомощностью. Он мечтал быть путешественником, солдатом, бойцом, а сам был годами прикован к постели.

Вместо постройки настоящих городов и маяков он строит свой «Город из деревяшек»:

Бери деревяшки и строй городок:
Дома и театры, музеи и док.
Пусть дождик прольется и хлынет опять:
Нам весело дома дворцы созидать!

Диван — это горы, а море — ковер.
Мы город построим близ моря у гор.
Вот мельница, школа, здесь — башни, а там
Обширная гавань — приют кораблям.

Дворец на холме и красив и высок;
С террасой широкой, он сам городок;
Пологая лестница сверху ведет
До моря, где в бухте собрался наш флот.

Идут корабли из неведомых стран;
Матросы поют про седой океан
И в окна глядят, как по залам дворца
Дары из-за моря несут без конца.

(Перевод В. Брюсова)

Вместо участия в настоящей войне Стивенсон вынужден руководить войнами игрушечных солдатиков, которыми он развлекает своего маленького пасынка Ллойда Осборна.

Стивенсон утешает себя тем, что война эта ведется по всем правилам настоящей войны. Запертый врачами в горном курорте для чахоточных, полусогнувшись на темном и низком чердаке своего домика в Давосе, он при свете свечи играет с пасынком в солдатики и неделями с увлечением проводит какую-нибудь сложную операцию. Пол расчерчен мелом наподобие карты, устроены горы, реки, дороги и шоссе, болота и заболоченные, нездоровые зоны, проходя через которые, войска теряют известный процент заболевших солдат. Учтены относительная скорость передвижения пехоты и конницы, влияние погоды, обеспеченность снабжением; издаются приказы, бюллетени, газеты, причем один «редактор» был даже повешен «генералом Осборном», и взамен его газеты стал выходить другой, менее болтливый орган. Словом, войну здесь вели всерьез. В годы, когда другие писатели ездили корреспондентами на поля сражений, Стивенсон должен был довольствоваться этой комнатной войной.

В стихах для детей он вспоминает свои детские дни, и, увы, попрежнему чувствует себя великаном в Стране Кровати:

Когда я много дней хворал,
На двух подушках я лежал,
И чтоб весь день мне не скучать,
Игрушки дали мне в кровать.

Своих солдатиков порой
Я расставлял за строем строй,
Часами вел их на простор —
По одеялу, между гор.

Порой пускал я корабли;
По простыне их флоты шли;
Брал деревяшки иногда
И всюду строил города.

А сам я был как великан,
Лежащий над раздольем стран —
Над морем и громадой скал
Из простыни и одеял!

(Перевод В. Брюсова)

Однако по книгам его обо всем этом нельзя догадаться. Он любил простую деятельную жизнь и, оторванный от нее болезнью, любил и в кровати думать о простых вещах, в которых закреплены были хотя бы воспоминания о такой жизни. Вот как описывает он сокровища своих детских лет:

Те орехи, что в красной коробке лежат,
Где я прячу моих оловянных солдат,
Были собраны летом; их няня и я
Отыскиали близ моря, в лесу, у ручья.

А вот этот свисток (как он звонко свистит!)
Нами вырезан в поле у старых раки;
Я и няня моим перочинным ножом
Из тростинки его мастерили вдвоем.

Этот камень большой с разноцветной каймой
Я едва дотащил, весь иззябнув, домой;
Было так далеко, что шагов и не счесть...
Что отец ни тверди, а в нем золото есть!

Но что лучше всего, что как царь меж вещей
И что вряд ли найдется у многих детей —
Стамеска! — у ней рукоять, лезвие...
Настоящий столяр подарил мне ее!

(Перевод В. Брюсова)

А много позднее, став знаменитым писателем, он мечтал писать так, чтобы его книги были любимыми спутниками моряков, солдат, путешественников, чтобы их перечитывали и пересказывали и во время длинных ночных вахт и у походных костров.

Не имея возможности деятельно служить людям, Стивенсон все же хотел помогать им, несмотря ни на что. Он старался своими книгами передать читателю ту бодрость и внутреннюю ясность, которые позволяли ему пересиливать слабость и недуги. И это ему удавалось. Об одной его книге, выпущенной под вымышленной фамилией, читатели писали в редакцию: «По всему видно, что автор — какой-нибудь румяный провинциальный джентльмен, выросший на кровавых ростбифах, не снимающий красного охотничьего фрака и ботфортов и без-устали травящий лисиц». А в это время Стивенсон только что перенес обострение болезни и не поднимался с постели.

Но, и оторванный от людей, он, невпример многим своим замкнутым и чопорным соотечественникам, не терял общительности. Он был простой в обращении, обаятельный, открытый человек. Оказавшись на положении эмигранта на корабле, переправлявшем его в Америку, он утешал всех, кто был в еще худших условиях, чем он сам, писал им письма на родину, подбадривал их своими рассказами. Он не чуждался людей других национальностей: любил французов; в Ницце с увлечением играл с дочуркой своих русских соседок; сочувствовал бурам во время первой попытки англичан покорить этот народ в 80-х годах; помогал туземцам Самоанских островов, которых угнетали немецкие колонизаторы. Он сам тянулся к людям, и они охотно общались с ним.

Часто его чопорные и подозрительные соотечественники принимали его за француза, а во Франции он однажды был задержан, принятый за немца. «Дело в том, — шутил сам Стивенсон, — что, должно быть, я похож на поляка».

Стивенсон жил во второй половине XIX века, в то время, когда Италия, еще поработенная Австрией, вела борьбу за свое освобождение. Английское общество сочувствовало освободительной борьбе итальянцев. Лондон был убежищем многих политических изгнанников, но организованной помощи Италия так и не получила, и лучшим людям Англии было стыдно за свою страну. Они за свой страх помогали итальянским революционерам. Задолго до этого времени, еще в начале XIX века, знаменитый английский поэт Байрон, долго живший в Италии, был связан с подпольной революционной организацией карбонариев. Позднее английский поэт Суинберн был другом политических изгнанников и многие лучшие свои произведения посвятил теме национального освобождения Италии. Отражение тех же настроений мы находим и в «Павильоне на дюнах» Стивенсона.

Правда, Стивенсон отнюдь не переоценивает сознательности своих героев. В этом отношении нельзя сказать, чтобы его англичане отчетливо и правильно представляли себе итальянских революционеров. Они слишком заняты своими собственными делами. Характерно,

что итальянских революционеров середины XIX века они по старой памяти именуют карбонариями. Обстоятельства, в которых оказались герои, порождают у них прежде всего чувство страха, которое переходит и на карбонариев. Однако Стивенсон подчеркивает, что страх этот носит характер боязливого уважения.

Стивенсон рассказывает, как английский делец-банкир нарушает доверие своих вкладчиков, итальянских революционеров, пришедших на смену карбонариям. Злостное банкротство банкира лишает их средств, собранных на подготовку восстания, и срывает самое восстание. Месть их Стивенсон рассматривает как справедливую расплату за предательство.

Один из героев повести, Норсмор, — нелюдิมый эгоист. Он мало думает о человечестве и его нуждах и всецело поглощен собой. Но это незаурядный и цельный человек, который не может не понимать, на чьей стороне право и правда. Он отдает заслуженную дань уважения своим противникам. «Надо сознаться, что они ведут войну по всем правилам», говорит он об итальянцах, осадивших павильон. В павильоне, в ожидании близкой смерти от их руки, он провозглашает, еще полуиронически, тост за освобождение Италии. Но позднее, потерпев крах всех надежд на личное счастье, он, быть может сам того не сознавая, берет на себя искупление чужой вины. Мужественное и горделивое следование славной традиции Байрона, погибшего в борьбе за освобождение Греции, приводит Норсмора в Италию, где он отдает жизнь за ее свободу, сражаясь в отрядах Гарибальди.

Ив. Кашкин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рассказывает о том, как я заночевал в Грэденском лесу и заметил свет в павильоне

В юности я был очень нелюдим. Я гордился тем, что держусь особняком и не нуждаюсь в обществе; в сущности, у меня не было ни друзей, ни близких, пока я не встретил ту, которая стала мне и другом, и женой, и матерью моих детей.

Я был относительно близок только с одним человеком — это был Р. Норсмор, владелец Грэден Истера в Шотландии. Мы с ним вместе учились и хотя не питали друг к другу особой симпатии или склонности к дружеским излияниям, но нас роднила общность темперамента. Мы считали себя мизантропами¹, а теперь я вижу, что мы были просто надутые юнцы. Это нельзя было назвать дружбой, скорее это было содружество двух нелюдимов. Исключительная вспыльчивость Норсмора не позволяла ему уживаться с другими людьми; а так как он уважал мою молчаливую сдержанность и не навязывал мне своих мнений, я тоже мирился с его обществом. Помнится, мы даже называли себя друзьями.

¹ Мизантроп — человеконенавистник, угрюмый, нелюдимый человек.

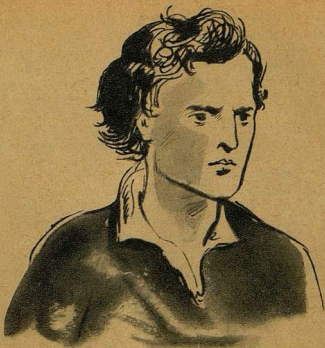
Когда Норсмор получил свой диплом, а я решил бросить университет, он пригласил меня погостить к себе в Грэден Истер, и тогда-то я впервые познакомился с местом моих позднейших приключений. Помещичий дом стоял на открытом и мрачном пустыре, милях в трех от берега Северного моря. Большой и неуклюжий, как казарма, он был выстроен из мягкого камня и, подверженный ветрам и туманам побережья, снаружи весь обветшал, а внутри в нем было сыро и дуло из всех углов. Расположиться в нем с комфортом нечего было и думать. Но на северной оконечности поместья, среди пустынных отмелей и сыпучих дюн, между морем и рожей, стоял небольшой павильон современной постройки, как раз отвечавший нашим вкусам. В этом уединенном убежище, мало разговаривая, много читая и встречаясь лишь за обеденным столом, Норсмор и я провели четыре ненастных зимних месяца. Может быть, я прожил бы там и дольше, но одним мартовским вечером у нас произошла размолвка, которая принудила меня покинуть Грэден Истер.

Норсмор вел себя резко, я, должно быть, ответил на этот раз колкостью. Он вскочил со стула, бросился на меня, и мне, без преувеличения, пришлось бороться за свою жизнь. Лишь с большим трудом мне удалось одолеть его, потому что силы у нас были почти равные, а тут его, казалось, сам бес обуял.

Наутро мы встретились как ни в чем не бывало, но я счел за благо покинуть его, и он не пытался меня удерживать.

Прошло девять лет, и я снова посетил эти места. В те дни, обзаведясь крытой одноколкой, палаткой и железной печуркой, я целыми днями шагал за своим пони, а на ночь располагался по-цыгански в какой-нибудь расщелине или на лесной опушке. Так я прошел по самым диким и уединенным уголкам Англии и Шотландии. Никто меня не тревожил письмами — ведь у меня не было ни друзей, ни родственников, а теперь даже и постоянной «штаб-квартиры», если не считать ею контору моего поверенного, который дважды в год переводил мне мою ренту¹. Такая жизнь восхищала меня, и я надеялся

¹ Рента — постоянный доход, получаемый с капитала или земельного участка.

состариться среди вересковых пустошей и умереть где-нибудь в придорожной канаве.

Я всегда старался отыскать для ночевки укромное место, где бы меня никто не потревожил, и теперь, очутившись в своих скитаниях в другой части того же графства, я вспомнил о павильоне на дюнах. Даже проселочной дороги не было во всей округе ближе чем за три мили. Ближайший город, вернее рыбацкий поселок, был за шесть-семь миль. Окружавший поместье пустырь тянулся вдоль побережья полосой миль на десять в длину и от трех до полумили в ширину. Подступ со стороны бухты был прегражден зыбучими отмелями. Едва ли во всем Соединенном королевстве найдется лучшее убежище. Я решил остановиться на неделю в прибрежном лесу и, сделав большой переход, достиг цели к полудню ненастного сентябрьского дня.

Как я говорил, поместье окружали дюны и так на-

зываемые в Шотландии «линки», то есть пустоши, на которых движение песков было приостановлено травянистым покровом. Павильон стоял на плоском месте, от моря его отгораживала запутанная гряда песчаных дюн, а позади согнутых ветром порослей бузины начинался лес. Выступ скалы поднимался над песками, образуя мыс между двумя мелкими бухтами, а за линией прибоя снова вздымался небольшим островком, круто обрывавшимся в море. При отливе обнажались широкие полосы зыбучих песков — гроза всей округи. Говорили, что у самого берега, между мысом и островом, эти пески поглощали человека в четыре с половиной минуты, хотя едва ли были основания для такой точности. Местность изобиловала кроликами, а над павильоном все время с плачем носились чайки. В летний день здесь бывало солнечно и радостно, но в сумерках сентябрьского заката, при сильном ветре и буйном прибое, набегавшем на отмели, все напоминало о кораблекрушениях и о выброшенных морем утопленниках. Корабль, который лавировал против ветра на горизонте, и обломки корабельного остова, погребенные у моих ног песчаной дюной, еще усиливали тягостное впечатление.

Павильон — он был выстроен последним владельцем, дядей Норсмора, бестолковым и расточительным дилетантом¹ — мало пострадал от времени. Он был двухэтажный, построен в итальянском стиле и окружен плоской сады, от которого уцелело только несколько клумб самых выносливых цветов. Теперь, когда ставни были заколочены, казалось, что он не только покинут, но никогда и не был обитаем. Норсмор явно отсутствовал, не то, по своему обыкновению, уныло отсиживаясь в каюте собственной яхты, не то неожиданно появляясь и вызываясь блистая в светском обществе, — об этом я мог только догадываться. Место же своей унылой пустынностью угнетало даже такого отшельника, каким был я. Ветер заунывно выл в трубах, и, словно спасаясь в свое привычное убежище, я повернул лошадь и, погоняя ее, направил повозку к опушке леса.

Грэдэнский лес был насажен для защиты полей от

¹ Дилетант — человек, занимающийся своим делом по-любительски, не профессионально.

сыпучих песков побережья. Дальше от берега бузину постепенно сменяли другие породы, но все деревья были чахлые и низкорослые, как кустарник. Им приходилось все время бороться за свою жизнь: долгими зимними ночами они гнулись под напором свирепых бурь; уже ранней весной листья у них облетали, и для этого оголенного леса начиналась осень. Еще дальше высился холм, который вместе с островом служил ориентиром для моряков. Когда холм открывался к северу от острова, кораблям следовало твердо держать курс на восток, чтобы не напороться на мыс Грэдэн и Грэдэнские рифы. По низине между деревьями протекал ручеек и, запруженный тиной и палым листом, то и дело застывал в крохотных заводях. Кое-где в лесу попадались развалины каких-то строений; по мнению Норсмора, это были остатки келий, в которых когда-то скрывались отшельники.

Я отыскал нечто вроде пещеры, вернее выемку в скале, из которой бил холодный ключ, и здесь, расчистив место от терновника, разбил палатку и развел костер, чтобы приготовить ужин. Лошадь я стреножил и пустил

пасться неподалеку на лужайке. Выступы скалы не только скрывали свет моего костра, но и защищали меня от ветра, сильного и холодного.

Мой образ жизни закалил меня и приучил к умеренности. Я пил только воду и редко ел что-нибудь, кроме овсянки в разных видах. Мне достаточно было нескольких часов сна; хотя я и просыпался с рассветом, но с вечера подолгу лежал в темноте или под звездным сводом ночи. Так и в Грэдeнском лесу: хотя я крепко уснул в восемь часов вечера, но проснулся уже к одиннадцати, бодрый и освеженный, без всякой сонливости и утомления. Я встал и долго сидел у костра, наблюдая, как над головой беспокойно мелькали облака и верхушки деревьев, слушая ветер и шум прибоя, и, наконец, устав от бездействия, оставил свою пещеру и побрел к опушке леса. Молодой месяц слабо светил сквозь туман, но когда я вышел из леса, стало светлее. В ту же минуту резкий порыв ветра дохнул на меня соленым запахом моря и с такой силой ударил в лицо колючими песчинками, что я нагнул голову.

Когда я поднял глаза и осмотрелся, я заметил свет в павильоне. Он двигался от окна к окну, словно кто-то переходил из комнаты в комнату с лампой или свечой. Некоторое время я следил за ним с большим изумлением. Днем павильон был явно необитаем, теперь настолько же явно в нем кто-то находился. Сначала мне пришло в голову, что туда забралась шайка грабителей и очищала теперь кладовые и буфеты Норсмора, всегда полные посуды и запасов. Но что могло привести грабителей в Грэдeн Истер? И к тому же все ставни были распахнуты, а грабители, наоборот, плотнее прикрыли бы их. Я отбросил эту мысль и стал искать других объяснений. Должно быть, вернулся сам Норсмор и теперь осматривает и проветривает помещение.

Как я уже говорил, нас с Норсмором не связывало чувство искренней привязанности, но даже если бы я любил его как брата, я настолько дорожил своим одиночеством, что все равно постарался бы избежать его общества. Поэтому я поскорее вернулся в лес и с истинным наслаждением снова уселся у костра. Я избежал встречи, передо мной еще одна спокойная ночь. А наутро можно будет либо незаметно ускользнуть еще до

пробуждения Норсмора, либо нанести ему визит, и покороче.

Но когда настало утро, создавшееся положение показалось мне настолько забавным, что я отбросил все колебания. Норсмор был в моей власти, и я задумал подшутить над ним, хотя и знал, что он не такой человек, чтобы с ним шутить безнаказанно. Заранее радуясь своей затее, я устроился среди зарослей бузины так, что мне видна была дверь павильона. Все ставни были снова прикрыты, что, помнится, показалось мне странным, а самое здание при утреннем свете, озарявшем его белые стены и зеленые жалюзи¹, выглядело привлекательным и уютным. Часы проходили за часами, а Норсмор не подавал признаков жизни. Я знал, что он соня и лежебока; однако к полудню терпение мое истощилось. Сказать по правде, я уже решил позавтракать в павильоне, и меня стал мучить голод. Как мне ни досадно было упускать возможность подшутить над Норс-

¹ Ж а л ю з и — сквозные ставни из деревянных пластинок.

мором, голод взял свое, и я, с огорчением пожертвовав шуткой, вышел из лесу.

Когда я подошел поближе, вид дома чем-то обеспокоил меня. Повидимому, с вечера ничего не изменилось, а я почему-то надеялся встретить какие-нибудь внешние признаки присутствия человека. Но нет: ставни были плотно прикрыты, дым не шел из трубы и на входной двери висел большой замок. Норсмор, очевидно, вошел через заднюю дверь — таково было естественное и единственно возможное объяснение, — и вы можете судить, как я был изумлен, когда, обогнув дом, я нашел и заднюю дверь на запоре.

Я вернулся к прежнему предположению о грабителях и досадовал на себя за вчерашнее бездействие. Я осмотрел все окна нижнего этажа и не нашел никаких повреждений; я попробовал замки, но они не поддавались. Возникал вопрос: каким путем грабители (если это были грабители) проникли в дом? Они могли пробраться, думаю я, по крыше пристройки, где Норсмор занимался фотографией, а оттуда, взломав окно кабинета или моей бывшей комнаты, им легко было забраться в дом.

Я сам последовал этому вымышленному примеру — взобрался на крышу и попробовал рамы. Обе были заперты, но я не сдавался и, нажав посильнее, чтобы приоткрыть одну из них, поцарапал при этом руку. Я помню,

что приложил руку ко рту и с минуту зализывал ранку, как собака. При этом я машинально глядел на отмели и на море и заметил в нескольких милях к северо-востоку большую парусную яхту. Потом я поднял раму и проник внутрь.

Я прошел по всему дому, и удивление мое усилилось. Нигде ни малейшего беспорядка — наоборот, комнаты необычайно чисты и прибраны. В каминах лежали дро-

695518

ва, приготовленные к топке; три спальни были убраны с роскошью, непривычной для Норсмора; умывальники были налиты водой, кровати оправлены на ночь; стол накрыт на три прибора, а на буфете — множество холодных закусок, салатов и соусов. Ясно было, что здесь ждали гостей. Но какие же гости, если Норсмор ненавидел общество? И кроме того, зачем понадобилось готовить дом к этому приему тайно, под покровом ночи? И почему ставни были закрыты и двери заперты?

Я уничтожил все следы своего посещения и выбрался из дома, отрезвленный от своих фантазий, но еще сильнее заинтригованный.

Яхта была все на том же месте, и мне на миг пришло в голову, что это, быть может, «Рыжий граф», на котором прибыли хозяин и гости. Однако нос корабля был обращен в открытое море.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассказывает о ночной высадке с яхты

Я вернулся в пещеру, чтобы приготовить себе поесть, в чем я сильно нуждался, и дать корм лошади, о которой я не позаботился утром. Время от времени я выходил на опушку, но в павильоне перемен не было, и на отмелях за весь день не показалось ни души. Одна только яхта в открытом море напоминала о человеке. Она дрейфовала без видимой цели, то приближаясь, то удаляясь, но с наступлением сумерек решительно двинулась к берегу. Это укрепило меня в мысли, что на борту ее Норсмор и его гости и что они, повидимому, высадутся только ночью. Это не только соответствовало таинственности приготовлений, но вызывалось и тем обстоятельством, что лишь к одиннадцати часам прилив мог достаточно прикрыть Грэденские мели и другие опасные места, которые ограждали берег от вторжений с моря.

В течение всего дня ветер ослабевал и море затихало, но к закату снова разыгралась вчерашняя непогода. Ночь сгустилась непроглядно темная. Свирепые порывы

27/126

ветра разражались орудийными залпами, то и дело полосами налетал дождь, и с наступлением прилива все крепчал прибой. Со своего наблюдательного поста в кустарнике я увидел, как на верхушке мачты показался свет — яхта была много ближе, чем когда я последний раз видел ее в сумерках. Я решил, что это сигнал помощникам Норсмора на суше, и, выйдя из лесу, стал осматривать местность.

Вдоль опушки леса вилась дорожка — кратчайший путь от поместья к павильону, — и, взглянув в эту сторону, я увидел не более как в четверти мили быстро приближавшийся огонек. Судя по его колеблющемуся свету, это был фонарь в руках человека, шедшего по извилинам тропинки и то и дело переживавшего яростные порывы ветра. Я снова спрятался в кустарнике и нетерпеливо ждал приближения нового лица. Это оказалась женщина, и когда она проходила шагах в трех от моей засады, я узнал ее. Сообщницей Норсмора в этом таинственном деле была глухая и молчаливая женщина, нянчившая его в детстве, а потом ставшая его домоправительницей.

Я следовал за ней на коротком расстоянии, поль-

зуюсь для прикрытия бесчисленными пригорками и впадинами и непроглядной тьмой. Даже если бы она не была глуха, все равно ветер и прибой не дали бы ей расслышать шум моих шагов. Она вошла в павильон, поднялась во второй этаж и осветила одно из окон, выходивших на море. Тотчас же фонарь на мачте был опущен и погашен. Он выполнил свою задачу: люди на борту удостоверились, что их ждут. Старуха, повидимому, продолжала готовиться к встрече. Хотя она и не

открывала других ставен, я видел, как свет мелькал то там, то здесь по всему дому, и снопы искр, показывавшиеся из труб, говорили о том, что она затапливала печи одну за другой.

Теперь я был уверен, что Норсмор и его гости высадятся на берег, как только вода покроет мели. В такую погоду трудно было управлять шлюпкой, и к моему любопытству примешивалась тревога, когда я думал о том, как опасна сейчас высадка. Правда, мой прежний приятель был величайший сумасброд, но в данном случае сумасбродство принимало тревожный и угрожающий характер. Движимый этими разнородными чувствами, я направился к бухте и лег ничком в небольшой впадине шагах в шести от тропки к павильону. Оттуда я легко мог опознать вновьприбывших и тут же приветствовать их, если они окажутся теми, кого я ожидал увидеть.

Незадолго до одиннадцати, когда прилив едва прикрыл отмели, у самого берега вдруг появился свет лодочного фонаря. Напрягая зрение, я различил и другой фонарь, мелькавший дальше от берега и то и дело скрываемый гребнями волн. Ветер, все крепчавший с наступлением ночи, и опасное положение яхты у подвет-

ренного берега, должно быть, заставили поторопиться с высадкой.

Вскоре на тропинке показались четыре матроса, тащившие очень тяжелый сундук; пятый освещал им дорогу фонарем. Они прошли совсем рядом со мной к павильону, и старуха впустила их. Затем они вернулись к берегу и еще раз прошли мимо меня, с сундуком побольше, но, очевидно, не таким тяжелым. Они сделали и третий рейс, и на этот раз один из матросов нес кожаный чемодан, а другие — дамский саквояж и прочую кладь, явно принадлежавшую женщине. Это крайне подстрекнуло мое любопытство. Если среди гостей Норс-мора была дама, это означало полную перемену в его привычках и отказ от его излюбленных теорий и взглядов на жизнь. Когда мы с ним жили вместе, павильон был храмом женоненавистников. А теперь представительница ненавистного пола должна была поселиться под его кровлей. Я припомнил кое-что из виденного мною в павильоне — некоторые черты изнеженности и даже кокетства, которые поразили меня в убранстве комнат. Теперь мне ясна была цель этих приготовлений, и я дивился своей тупости и недогадливости.

Все эти мои догадки были прерваны появлением второго фонаря; нес его моряк, которого я до сих пор не видел. Он освещал дорогу к павильону двум людям. Это были, конечно, те самые гости, для которых делались все приготовления, и я напрягал зрение и слух, когда они проходили мимо меня. Один из них был мужчина необычайно большого роста. Нахлобученная на глаза дорожная шапка, опущенный капюшон, поднятый и наглухо застегнутый воротник скрывали его лицо. О нем только и можно было сказать, что он очень высок и движется словно больной — тяжелой, неуверенной походкой. Рядом с ним, не то прижавшись к нему, не то поддерживая его — этого я не мог разобрать, — шла молодая, высокая, стройная женщина. Она была очень бледна, но мерцающий свет фонаря бросал на ее лицо такие резкие и подвижные тени, что я не мог сказать, дурна ли она, как грех, или прекрасна, как это впоследствии оказалось.

Когда они поровнялись со мной, девушка что-то сказала, но ветер унес ее слова.

— Молчи! — ответил ее спутник.

Тон, каким было сказано это слово, потряс и порази́л меня. Это было восклицание человека, угнетаемого смертельным страхом; я никогда не слышал слова, произнесенного так выразительно, и до сих пор я слышу его, когда в ночном бреду возвращаюсь к давно прошедшим временам. Говоря, мужчина обернулся к девушке, и я мельком заметил густую рыжую бороду, нос, переломленный, должно быть, в молодости, и светлые глаза, расширенные сильнейшим страхом.

Но они уже прошли мимо меня и, в свою очередь, были впущены в дом.

Поодиночке и группами матросы вернулись к бухте. Ветер донес до меня звук грубого голоса и команду: «Отчаливай!» Затем, спустя мгновение, показался еще один фонарь. Его нес Норсмор. Он был один.

И жена моя и я, то есть и мужчина и женщина, часто удивлялись, каким образом этот человек мог быть в одно и то же время настолько привлекательным и отталкивающим. У него была наружность настоящего джентльмена, лицо вдумчивое и рещительное, но стоило взглянуть на него даже в добрую минуту, чтобы разглядеть душу, достойную насильника и работоторговца. Я никогда не встречал человека более вспыльчивого и мстительного. Он соединял пылкие страсти южанина с холодной и неугасимой ненавистью северян, и это как грозное предупреждение ясно отражалось на его лице. Он был смуглый брюнет, высокий, сильный и подвижной; правильные черты лица его портило угрожающее выражение.

В эту минуту он был бледнее обычного, брови у него были нахмурены, губы подергивались, и он шел, озираясь, словно опасался нападения. И все же выражение его лица показалось мне торжествующим, как у человека, преуспевшего в своем деле и близкого к его завершению.

Отчасти из чувства деликатности, — сознаюсь, довольно запоздалой, — а больше из желания напугать его я решил сейчас же обнаружить свое присутствие.

Я быстро вскочил на ноги и шагнул к нему.

— Норсмор! — окликнул я его.

Никогда в жизни я не был так изумлен. Не говоря ни слова, он бросился на меня, что-то блеснуло в его

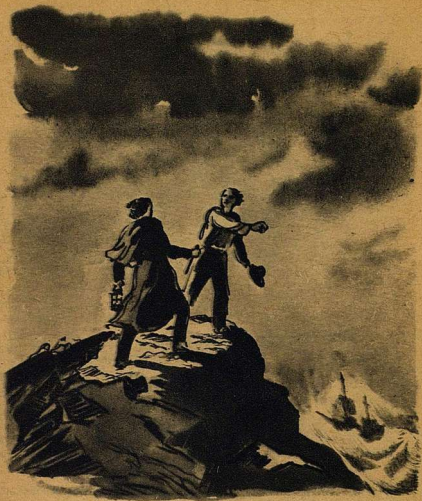

руке, и он кинжалом ударил меня в грудь. В то же мгновение я сшиб его с ног. То ли моя быстрота и ловкость, то ли его нерешительность, но только нож едва оцарапал мое плечо, в то время как удар рукояткой и кулаком пришелся мне по губам.

Я отбежал, но недалеко. Много раз я думал о том, как удобны дюны для засад, внезапных нападений и поспешного отхода. Отбежав не более десяти шагов от места нашей схватки, я снова нырнул в траву.

Фонарь упал из рук Норсмора и потух. И, к моему величайшему изумлению, сам он поспешно бросился к павильону, и я услышал, как звякнул за ним задвигаемый засов.

Он меня не преследовал! Он от меня убежал! Норсмор, этот непримиримый и неустрашимый человек, оставил поле боя за противником! Я едва верил глазам. Но что значила еще одна несообразность во всей этой странной истории, где все было невероятно?! Зачем и для кого тайно готовили помещение в павильоне? Почему Норсмор и его гости высадились глубокой ночью, в бурю, не дождавшись полного прилива? Почему он

хотел убить меня? Неужели, думал я, он не узнал моего голоса? И, главное, зачем ему было держать наготове кинжал? Кинжал или даже просто нож были далеко не современным оружием, и вообще говоря, в наши дни джентльмен, высадившийся со своей яхты на берег собственного поместья, пусть даже ночью и при таинственных обстоятельствах, все же не вооружается таким

образом, словно ожидая нападения. Чем больше я думал, тем меньше понимал. Я перебирал и пересчитывал по пальцам все таинственные обстоятельства этого дела: павильон, тайно приготовленный для гостей; гости, высаживающиеся в такую ночь с явной опасностью и для себя и для яхты; нескрываемый и, казалось бы, беспричинный ужас одного из гостей; Норсмор с обнаженным кинжалом; Норсмор, с первого слова пускающий в ход оружие против своего ближайшего друга, и,

наконец, что страннее всего, Норсмор, бегущий от человека, которого он только что пытался убить, и укрывающийся, словно от погони, за стенами и запорами павильона! По меньшей мере шесть поводов к удивлению, и все они сплетались в одну неразрывную цепь.

Я готов был спросить себя, не обман ли это чувств. Когда рассеялось сковавшее меня изумление, постепенно дала себя знать боль от раны, полученной в схватке. Укрываясь за дюнами, я по окольной тропинке добрался до опушки леса. Тут снова в нескольких шагах от меня прошла с фонарем старуха служанка, возвращаясь из павильона в помещичий дом. Это была седьмая загадка. Значит, Норсмор и его гости будут стряпать и убирать за собой сами, а старая служанка будет попрежнему жить в большом пустом доме посреди парка. Если Норсмор мирился с такими неудобствами, значит действительно были серьезные причины для подобной таинственности.

Поглощенный этими мыслями, я вернулся в пещеру. Для большей безопасности я, разбросал и затоптал догорающий костер и зажег фонарь, чтобы осмотреть рану на плече. Это была ничтожная царапина, хотя кровь

шла довольно сильно. Тряпкой, намоченной в холодной ключевой воде, я перевязал рану, как умел (место было неудобное). Занятый этим, я не переставал думать о Норсморе и его тайне и мысленно объявил им войну. По природе я не злой человек, и меня побудило к этому скорее любопытство, чем мстительность. Но все же война была объявлена, и начались приготовления: я достал свой револьвер, разрядил его, тщательно вычистил и зарядил вновь. Затем я занялся своей лошадью. Она могла отвязаться или ржанием выдать мою стоянку в лесу. Я решил избавиться от ее соседства и задолго до рассвета повел ее по отмелям в рыбацью деревню.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рассказывает о том, как я познакомился с Кларой

Два дня я бродил вокруг павильона, укрываясь за дюнами. Я выработал при этом особую тактику. Низкие бугры и мелкие впадины, образующие целый лабиринт, облегчали это увлекшее меня и, может быть, не совсем джентльменское занятие.

Однако, несмотря на все эти выгоды, я мало что узнал о Норсморе и его гостях.

Провизию им приносила из помещичьего дома под покровом тьмы старая служанка. Норсмор и молодая леди иногда вместе, но чаще порознь прогуливались по часу, по два вдоль линии зыбучих песков. Для меня было ясно, что такое место для прогулки выбрано потому, что открыто оно только со стороны моря. Но для моих целей оно было очень удобно: к отмели вплотную примыкала самая высокая и наиболее изрезанная дюна, и, лежа плашмя в одной из ее впадин, я мог наблюдать за прогулками Норсмора и юной леди.

Высокий мужчина словно исчез. Он не только не переступал порога павильона, но даже и не показывался в окнах, поскольку я мог судить из своей засады. Близко к дому я днем не подходил, потому что из верхних окон видны были все подступы, а ночью, когда я подходил ближе, все окна нижнего этажа были забаррикадированы, как при осаде. Иногда, вспоминая неуверен-

ную походку прибывшего, я думал, что высокий мужчина не поднимается с постели, иногда мне казалось, что он вовсе покинул дом и что Норсмор остался там вдвоем с молодой леди. Эта мысль мне уже и тогда не нравилась.

Даже если они были мужем и женой, я имел достаточно оснований сомневаться в их взаимной дружбе. Хотя я и не слышал ни слова из их разговора и редко мог различить выражение их лиц, но были в их поведении отчужденность и натянутость, которые указывали на холодные, а может быть, и враждебные отношения. Гуляя с Норсмором, девушка шла быстрее обычного, а я знал, что добрые отношения скорее замедляют, чем ускоряют походку гуляющих. Кроме того, она все время держалась на несколько шагов впереди и, как бы отгораживаясь от него, тянула за собой по песку свой зонтик. Норсмор все старался приблизиться, и так как девушка неизменно уклонялась, они двигались по диагонали через всю отмель. Когда девушке наконец угрожала опасность быть прижатой к линии прибоя, она внезапным движением круто поворачивала, оставляя своего спутника между собой и морем. Я наблюдал за этими ее маневрами с величайшим удовольствием и одобрением и про себя посмеивался при каждом таком повороте.

На третий день утром она некоторое время гуляла одна, и, к моему огорчению, я убедился, что она не раз принималась плакать. Вы можете по этому судить, что сердце мое было затронуто ею сильнее, чем я сам сознавал. Все ее движения были уверенны и воздушны, голову она держала с горделивой грацией. Каждым шагом ее можно было залюбоваться, и уже тогда она мне казалась обаятельной и неповторимой.

День был чудесный, тихий и солнечный, море спокойное, воздух свежий и остро пахнувший солью и вереском, так что, против обыкновения, она вышла на вторую прогулку. На этот раз ее сопровождал Норсмор, и едва они вышли на берег, как я увидел, что он насильно взял ее руку. Она вырывалась, и я услышал ее крик, или, вернее, стон. Не думая о своем странном положении, я вскочил на ноги, но не успел сделать и шага, как увидел, что Норсмор, обнажив голову, склонился в

поклоне, как бы прося прощения. Я тотчас же снова залег в засаду. Они обменялись несколькими словами, потом, после нового поклона, он покинул берег и направился к павильону. Он прошел совсем близко от меня, и я видел, что лицо у него было красное и хмурое и палкой он свирепо сшибал на ходу верхушки травы. Не без удовольствия я увидел на его лице следы своего удара — большую царапину на скуле и синяк вокруг запущшего правого глаза.

Некоторое время девушка стояла на месте, глядя на остров и на яркое море. Затем внезапно, как человек, отбросивший все тягостные мысли, она двинулась вперед быстро и решительно. Очевидно, она тоже была сильно взволнована тем, что произошло. Она совсем за-

была, где находится. И я увидел, что она идет прямо к краю зыбучих песков, как раз в самое опасное место. Еще два или три шага, и жизнь ее была бы в серьезной опасности, но тут я кубарем скатился с дюны, которая обрывалась здесь очень круто, и на бегу предостерегающе закричал.

Она остановилась и обернулась ко мне. В ее поведении не было ни тени страха, и она пошла прямо на меня с осанкой королевы. Я был босиком и одет, как простой матрос, если не считать египетского шарфа, заменявшего мне пояс, и она, должно быть, приняла меня за рыбака из соседней деревушки, вышедшего собирать наживку. А я, когда увидел ее так близко и когда она пристально и властно посмотрела мне в глаза, я пришел в неописуемый восторг и убедился, что красота ее превосходит все мои ожидания. Она восхищала меня и тем, что при всей своей отваге не теряла женственности, своеобразной и обаятельной. В самом деле, жена моя всю жизнь сохраняла чинную вежливость прежних лет, которая только подчеркивала ее милую непринужденность.

— Что это значит? — спросила она.

— Вы направлялись прямо к Грэденской топи! — сказал я.

— А вы не здешний, — сказала она. — У вас выговор образованного человека.

— Мне было бы трудно это скрывать даже в этом костюме, — сказал я.

Но ее женский глаз уже заметил мой шарф.

— Да! — сказала она. — И вас выдает ваш пояс.

— Вы сказали слово «выдает», — подхватил я. — Но могу ли я просить вас не выдавать меня? Ради вашей безопасности я должен был обнаружить свое присутствие, но если Норсмор узнает, что я здесь, это грозит мне больше чем простыми неприятностями.

— А вы знаете, с кем вы говорите? — спросила она.

— Не с женой мистера Норсмора? — сказал я вместо ответа.

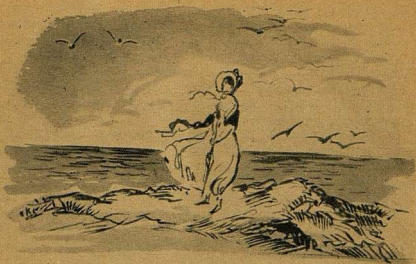
Она покачала головой. Все это время она с откровенной настойчивостью изучала мое лицо. Наконец она сказала:

— У вас лицо честного человека. Будьте так же честны, как ваше лицо, сэр, и скажите, что вам здесь надо и чего вы боитесь. Не думаете ли вы, что я могу повредить вам? Мне кажется, что скорее в вашей власти обидеть меня. Но нет, вы не похожи на злодея. Так что же заставило вас, джентльмена, шпионить здесь, в этой пустынной местности? Скажите мне, кого вы преследуете и ненавидите?

— Во мне ни к кому нет ненависти. — отвечал я, — и никого я не боюсь. Зовут меня Кессилис, Фрэнк Кессилис. По собственному желанию я веду жизнь бродяги. Я очень давно знаком с Норсмором, но когда три дня назад я окликнул его тут, на отмелях, он ударил меня кинжалом в плечо.

— Так это были вы! — сказала она.

— Почему он это сделал, — продолжал я, не обращая внимания на ее слова, — я не могу понять, да и понимать не хочу. У меня не много друзей, и я не очень дорожу дружбой. И страхом меня не проймешь. Я разбил свою палатку в Грэденском лесу еще до приезда Норсмора сюда, и я живу там и сейчас. Если вы думаете, что я опасен вам или вашим близким, то вам легко избавиться от меня. Вам достаточно сказать Норсмору, что я ночую в Гемлокских пещерах, и сегодня же ночью он может заколоть меня во сне.

С этими словами я откланялся и снова взобрался на дюны. Не знаю почему, но я чувствовал себя героем, мучеником, с которым поступили несправедливо, хотя, в сущности, мне нечего было сказать в свою защиту, у меня не было резонного объяснения моим поступкам. Я остался в Грэдене из любопытства, естественного, но едва ли похвального, и хотя рядом с этим уже возникала другая причина, в то время я не смог бы объяснить ее даме моего сердца.

Как бы то ни было, в эту ночь я не мог думать ни о ком другом, и хотя положение, в котором очутилась девушка, и ее поведение казались подозрительными, я все же в глубине души не сомневался в чистоте ее намерений. Хотя сейчас все для меня было темно и непонятно, но я готов был поручиться своей жизнью, что когда все разъяснится, она окажется правой и ее участие в этом деле — неизбежным. Правда, как я ни напрягал свою фантазию, я не мог придумать никакого объяснения ее близости с Норсмором, но уверенность моя, основанная на инстинкте, а не на доводах разума, была от этого не менее крепка, и в эту ночь я уснул с мыслью о ней.

На следующий день она вышла примерно в то же время одна, и как только дюны скрыли ее от павильона,

она подошла к опушке и вполголоса позвала меня, называя по имени. Меня удивило, что она была смертельно бледна и в необычайном волнении.

— Мистер Кессилис! — звала она. — Мистер Кессилис!

Я сейчас же выскочил из-за кустов и спрыгнул на отмель. Как только она увидела меня, на ее лице выразилось чувство облегчения.

— Ох! — перевела она дух, как человек, избавившийся от тяжелого груза. — Слава богу, вы целы и невредимы! Я знала, что если вы живы, вы придете, — добавила она.

Не странно ли это? Природа так быстро и мудро подготавливает наши сердца к большому неумирающему чувству, что оба мы — и я и моя жена — почувствовали неотвратимость его уже на второй день нашей встречи. Уже тогда я надеялся, что она будет искать меня; она же была уверена, что меня найдет.

— Вам нельзя, — говорила она быстро, — вам нельзя оставаться здесь. Дайте мне слово, что вы не останетесь на ночь в этом лесу. Вы представить не можете, как я страдаю! Всю эту ночь я не могла спать, думая об опасности, которая вам угрожает.

— Какой опасности? — спросил я. — И кто может мне угрожать? Норсмор?

— Нет, не он, — сказала она. — Неужели вы думаете, что после ваших слов я что-нибудь сказала ему?

— А если не Норсмор, то кто же? — повторил я. — Мне бояться некого.

— Не спрашивайте меня, — отвечала она. — Я не вправе отвечать вам, но поверьте мне и уезжайте отсюда. Поверьте и уезжайте скорее, сейчас же, если дорожите жизнью!

Запугивание — плохой способ избавиться от влюбленного молодого человека. Ее слова только подстрекнули мое упорство, и я счел долгом чести остаться. А то, что она так заботилась о моей безопасности, только укрепило меня в моем решении.

— Не считите меня назойливым, сударыня, — ответил я. — Но если Грэдэн такое опасное место, вы тоже, должно быть, рискуете, оставаясь здесь?

Она с упреком поглядела на меня.

— Вы и ваш батюшка... — продолжал я, но она тотчас прервала меня:

— Мой отец? А почему вы о нем знаете?

— Я видел вас вместе, когда вы шли от лодки, — ответил я, и, не знаю почему, ответ этот показался достаточным для нас обоих, тем более что он был правдив. — Но, — продолжал я, — меня вам бояться нечего. Я вижу, у вас есть причины хранить тайну, но поверьте, что я сохраню ее так же надежно, как если бы она была погребена со мною в Грэдентской топи. Уж много лет, как я почти ни с кем не разговариваю; мой единственный товарищ — моя лошадь, но и она, бедняга, сейчас не со мной. Вы видите, что вы можете рассчитывать на мое молчание. Скажите мне всю правду, дорогой мой друг: вам угрожает опасность?

— Мистер Норсмор говорит, что вы порядочный человек, — ответила она, — и я поверила ему, когда увидела вас. Я скажу вам только: вы правы. Нам грозит страшная, страшная опасность, и вы сами подвергаетесь ей, оставаясь здесь.

— Вот как! — сказал я. — Вы слышали обо мне от Норсмора? И он хорошо отзывался обо мне?

— Я спросила его относительно вас вчера вечером, — ответила она. — Я сказала... — запнулась она, — что встречала вас давно и упоминала вам о нем. Это была неправда, но я не могла сказать иначе, не выдав вас, а вы вчера поставили меня в тупик. Он вас очень хвалил.

— А скажите, если позволите задать вам вопрос: эта опасность исходит от Норсмора?

— От мистера Норсмора? — вскричала она. — О, что вы! Он сам разделяет ее с нами.

— Но почему же вы предлагаете мне бежать отсюда? — сказал я. — Хорошее же у вас мнение обо мне!

— А зачем вам оставаться? — спросила она. — Мы вам не друзья.

Не знаю, что со мной случилось — такого не бывало у меня с самого детства, — но только я был так обижен, что глаза мои защипало от слез и они заволокли от меня лицо, на которое я глядел не отрываясь.

— Нет, нет! — сказала она изменившимся голосом. — Я не хотела вас обидеть.

— Это я вас обидел, — сказал я и протянул ей руку, взглянув на нее с такой мольбой, что она была тронута, потому что сейчас же порывисто протянула мне свою руку.

Я не отпускал ее руку и смотрел ей в глаза. Она первая высвободилась и, забыв о своей просьбе и о том обещаний, которое хотела от меня получить, стремглав бросилась прочь и скоро скрылась из виду. И тогда я понял, что люблю ее, и радостно забившимся сердцем почувствовал, что и она уже равнодушна ко мне. Много раз впоследствии она отрицала это, но с улыбкой, а не всерьез. С своей стороны, я уверен, что руки наши не задержались бы так долго в пожатии, если бы сердце ее уже не дрогнуло. Да, в сущности, не так уж я был далек от истины, потому что, по собственному ее признанию, она уже на следующий день поняла, что любит меня.

А между тем на другой день как будто бы не произошло ничего важного. Она, как и накануне, вышла к опушке и позвала меня, укоряя, что я еще не покинул Грэдена, и, увидев, что я упорствую, начала подробно расспрашивать, как я сюда попал. Я рассказал ей, какая цепь случайностей позволила мне видеть их высадку и как я решил остаться — отчасти потому, что меня заинтересовали гости Норсмора, отчасти же из-за его попытки меня убить. Боюсь, что по первому пункту я был неискренен, потому что заставил ее предположить, что именно она с первого же момента, как я увидел ее на отмели, стала для меня главным магнитом. Мне доставляет облегчение признаться в этом хотя бы сейчас, когда жена моя уже призвана всевышним, потому что при ее жизни, как это ни тревожило мою совесть, у меня нехватало духу разуверить ее. Даже ничтожная тайна в таком супружестве, каким было наше, похожа на розовый лепесток, который мешал спать принцессе.

Скоро разговор перешел на другие темы, и я долго рассказывал ей о своей одинокой бродячей жизни, а она говорила мало и больше слушала. Хотя оба мы говорили очень непринужденно и о предметах как будто бы безразличных, мы были необычайно взволнованы. Скоро, слишком скоро пришло время ей уходить, и мы расстались, как бы по молчаливому уговору, даже без рукопожатия, потому что каждый знал, что для нас это не пустая вежливость.

На следующий, четвертый день нашего знакомства мы встретились на том же месте рано утром, как хорошие знакомые, но со смущением, нараставшим в каждом из нас. Когда она еще раз заговорила о грозившей мне опасности — а это, как я понял, было для нее оправданием наших встреч, — я начал говорить ей, как высоко я ценю ее доброе внимание, и как до сих пор никто еще не интересовался моей жизнью, и как я до вчерашнего дня не подумал бы никому рассказывать о себе. Внезапно она прервала меня пылким восклицанием:

— И все же, если бы вы знали, кто я, вы даже говорить со мной не стали бы!

Я сказал, что самая мысль об этом — безумие и что как ни кратковременно наше знакомство, я считаю ее

своим дорогим другом, но мои протесты, казалось, только усиливали ее отчаяние.

— Ведь мой отец принужден скрываться!

— Дорогая, — сказал я, в первый раз забыв прибавить к этому обращению слово «леди», — что мне за дело до этого! Да если бы я двадцать раз был вынужден скрываться, неужели это изменило бы ваше мнение обо мне?

— Да, но причина этого, — вскричала она, — причина! Ведь... — она запнулась на мгновение, — ведь она позорна!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рассказывает о том, каким необычайным образом я обнаружил, что я не один в Грэдском лесу

Вот что сквозь рыдания рассказала девушка о себе в ответ на мои расспросы.

Ее звали Клара Хеддлстон. Это, конечно, звучная фамилия, но еще лучше звучало для меня имя Клары Кессилис, которое она носила долгие и, надеюсь, более счастливые годы своей жизни. Ее отец Бернارد Хеддлстон стоял во главе крупного банковского дела. Много лет назад, когда дела его пришли в расстройство, ему осталась лишь прибегнуть к рискованным, а затем и преступным комбинациям, чтобы спастись от краха. Однако все было тщетно: дела его все более запутывались, и доброе имя было потеряно вместе с богатством. В то время Норсмор упорно, хотя и безуспешно, ухаживал за его дочерью, и, зная это, к нему-то и обратился Бернارد Хеддлстон в час крайней нужды. Несчастный навлек на свою голову не только разорение и позор, не только преследование закона. Казалось, он с легким сердцем пошел бы в тюрьму. Чего он боялся, что не давало ему спать по ночам и что обращало в кошмар самое забытие — была тайная, неотвратимая и постоянная угроза самой его жизни. Поэтому он хотел похоронить себя на одном из островов южных морей и рассчитывал воспользоваться для этого яхтой Норсмора. Тот тайно принял его с дочерью на борт своего корабля на пустынном берегу Уэллса и доставил их в Грэд, где

они должны были пробывать до тех пор, пока судно не снарядится в долгое плавание. Клара не сомневалась, что за это Норсмору была обещана ее рука. Это подтверждалось и тем, что всегда галантный и внимательный Норсмор несколько раз позволил себе необычную смелость в словах и поступках.

Надо ли говорить, с каким напряженным вниманием слушал я этот рассказ и своими расспросами старался выяснить то, что в нем оставалось тайной! Все было напрасно. Она сама не представляла себе, откуда и чем именно грозила опасность. Страх ее отца был непритворен и доводил его до полного изнеможения; он не раз подумывал о том, чтобы без всяких условий отдаться на милость властей. Но этот план он позднее оставил, так как пришел к убеждению, что даже крепкие стены наших английских тюрем не укроют его от преследования. В последние годы у него были тесные деловые связи с Италией и с итальянскими эмигрантами в Лондоне, и они-то, по предположению Клары, были каким-то образом связаны с нависшей над ним угрозой. Встреча с моряком-итальянцем на борту «Рыжего графа» повергла ее отца в ужас и вызвала горькие упреки по адресу Норсмора. Тот возражал, что Беппо (так звали матроса) прекрасный парень, на которого можно положиться, но мистер Хеддлстон с тех пор не переставая твердил, что он погиб, что это только вопрос времени и что именно Беппо будет причиной его гибели.

Мне все эти страхи представлялись просто галлюцинацией¹, вызванной в его расстроенном сознании пережитыми несчастьями. Должно быть, его операции с

¹ Галлюцинация — болезненное видение.

Италией принесли ему тяжелые убытки, потому что самый вид итальянца был ему несносен и преследовал его в болезненных кошмарах.

— Вашему отцу нужен хороший доктор, — сказал я, — и успокаивающее лекарство.

— Да, но мистер Норсмор? — возразила Клара. — Ведь его не затронуло папино разорение, а он разделяет эти страхи.

Я не мог удержаться, чтобы не высмеять то, что мне представлялось ее наивностью.

— Дорогая моя, — сказал я, — не сами ли вы мне сказали, какой он ожидает награды! Для влюбленного все дозволено, не забудьте этого, и если Норсмор разжигает страхи вашего отца, то вовсе не потому, что он боится какого-то страшного итальянца, а просто потому, что влюблен в очаровательную англичанку.

Она напомнила, как он напал на меня в вечер их высадки, — этого и я не смог объяснить. Короче говоря, мы решили, что я сейчас же отправлюсь в рыбацкий поселок Грэден Истер и просмотрю все газеты, какие там найду, чтобы доискаться, нет ли реальных оснований для всех этих страхов. На следующее утро в тот же час и в том же месте я должен был рассказать Кларе о результатах. На этот раз она уже не говорила о моем отъезде; более того, она не скрывала своих чувств: мысль, что я близко, очевидно поддерживала и утешала ее. А я не мог бы оставить ее, даже если бы она на коленях молила меня об этом.

В Грэден Истер я пришел в десятом часу; в те годы я был отличным ходоком, а до поселка было, как я уже говорил, не более семи миль пути по упругому дерну. На всем побережье нет поселка угрюмей, а этим много сказано. Церковь прячется в котловине; жалкая пристань скрыта среди скал, на которых нашли гибель многие рыбацьи баркасы, возвращавшиеся затемно с моря. Два или три десятка каменных строений лепятся вдоль бухты двумя улицами, из которых одна ведет к пристани, а другая пересекает первую под прямым углом. На перекрестке — закопченная и неприветливая харчевня, заменяющая здесь гранд-отель.

Одетый на этот раз более соответственно своему положению, я тотчас же нанес визит пастору в его ма-

леньком домике возле кладбища. Он узнал меня, хотя прошло более девяти лет с тех пор, как мы последний раз виделись. Я сказал ему, что долго странствовал пешком и отстал от новостей, и он охотно снабдил меня кипой газет за весь месяц. Я вернулся с этой добычей в харчевню и, заказав завтрак, принялся за розыски статей, касающихся «Краха фирмы Хеддлстона».

Повидимому, это было весьма скандальное дело. Тысячи клиентов были разорены, а один пустил себе пулю в лоб, как только платежи были приостановлены. Но странная вещь: читая все эти подробности, я ловил себя на том, что сочувствую скорее мистеру Хеддлстону, чем его жертвам, — так всецело поглощала уже меня любовь к Кларе. Само собой, за поимку банкира было назначено вознаграждение, и так как банкротство считалось злостным¹ и общественное негодование было ве-

¹ Банкротство — невозможность оплатить свои долговые обязательства; злостным оно называется тогда, когда несостоятельность банкрота мнимая.

дико, назначалась необычно большая сумма вознаграждения — семьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Сообщалось, что в распоряжении Хеддлстона остались крупные суммы. О нём ходили разные слухи: то, что он объявился в Испании, то, что он скрывается где-то между Манчестером и Ливерпулем или на берегах Уэллса, а на другой день телеграф извещал о его прибытии на Кубу или на Юкатан. Но нигде не было ни слова об итальянцах и никаких следов тайны.

Однако в последней газете было одно не совсем ясное сообщение. Бухгалтеры, разбиравшие дела по банкротству, обнаружили следы многих и многих тысяч, вложенных в свое время в дело Хеддлстона; деньги поступили по безыменному вкладу неизвестно откуда и исчезли неизвестно куда. Только раз было упомянуто имя вкладчика, и то под инициалами «Х.Х.», а вклад был, повидимому, сделан лет шесть назад, во время биржевой паники. По слухам, за этими инициалами скрывалась видная коронованная особа. «Трусливому авантюристу (так, помнится мне, называли банкрота газеты), повидимому, удалось захватить с собой значительную часть этого таинственного вклада, который и посейчас находится в его руках».

Я все еще раздумывал над этим сообщением и мучительно пытался связать его с нависшей над мистером Хеддлстоном угрозой, когда в комнату вошел какой-то человек и с явным иностранным акцентом спросил хлеба и сыру.

— *Siete Italiano?*¹ — спросил я.

— *Si, signor*², — ответил он.

Я сказал, что очень необычно встретить его соотечественников так далеко на севере, на что он пожал плечами и возразил, что в поисках работы человек забирается и дальше. Я не мог представить себе, на какую работу он мог рассчитывать в Грэдэн Истере, и эта мысль так неприятно поразила меня, что я осведомился у хозяина, когда он отсчитывал мне сдачу, видал ли он когда-нибудь у себя в поселке итальянцев. Он сказал, что раз ему привелось видеть норвежцев, когда они по-

¹ *Siete Italiano?* — Вы итальянец?

² *Si, signor.* — Да, сударь.

терпели крушение и были подобраны спасательной шлюпкой из Колд Хевена.

— Нет! — сказал я. — Не норвежцев, а итальянцев, вот как тот, что сейчас спрашивал у вас хлеба и сыру.

— Что? — закричал он. — Этот черномазый, который тут скалил зубы? Так это макаронник? Ну, такого я еще не видывал, да, надеюсь, больше и не увижу.

Он еще говорил, когда, подняв глаза и взглянув на улицу, я увидел, что всего в тридцати ярдах от двери оживленно разговаривают трое мужчин. Один из них был недавний посетитель харчевни, а двое других, судя по их красивым смуглым лицам и широкополым мягким шляпам, были его соотечественники. Гурьба деревенских ребятишек собралась вокруг них и болтала всякую чушь, передразнивая их говор и жесты. На этой угрюмой, грязной улице, под мрачным серым небом это трио казалось каким-то чужеродным пятном, и, сознаюсь, в этот момент недоверие мое было поколеблено самым неожиданным образом и уже никогда не возвращалось ко мне. Я мог вволю рассуждать о призрачности угрозы, но не мог разрушить впечатления от виденного и начал разделять этот «итальянский ужас».

Уже смеркалось, когда, вернув газеты пастору, я снова углубился в пустошь. Я никогда не забуду этого пути. Становилось очень холодно и ветрено, ветер шелестел у меня под ногами сухой травой; порывами налетал мелкий дождь; из недр моря громадной грядой гор громоздились облака. Трудно было представить себе вечер хуже этого, и то ли под его влиянием, то ли оттого, что нервы у меня были взвинчены тем, что я видел и слышал, мысли мои были так же мрачны, как и погода.

Из верхних окон павильона видна была значительная часть пустоши со стороны Грэдэн Истера. Чтобы не быть замеченным, нужно было держаться берега бухты, а затем под прикрытием песчаных дюн добраться по котловинам до опушки леса. Солнце близилось к закату, был час отлива, и пески обнажились. Я шел, охваченный своими тягостными мыслями, как вдруг остановился, словно пораженный молнией, при виде следов человека. Следы тянулись параллельно моему пути, но ближе к берегу, и когда я осмотрел их, то убедился, что здесь проходил чужой человек. Более того, по той беспечности, с которой он подходил к самым страшным местам топи, было ясно, что он вообще нездешний и не знал, чем грозила ему Грэдэнская бухта.

Шаг за шагом я прослеживал отпечатки, пока четверть мили спустя не увидел, что они кончились у юго-восточной оконечности Грэдэнской топи. Вот где погиб

этот несчастный! Две-три чайки, вероятно видевшие, как он был засосан песком, кружили над местом его успокоения с обычным своим унылым плачем. Солнце последним усилием прорвалось сквозь облака и окрасило обширные просторы отмелей пурпуровым отсветом. Я стоял и смотрел на ужасное место, угнетенный и встревоженный собственными мыслями и сильным, непобедимым дыханием смерти. Помнится, я раздумывал, сколько времени продолжалась его агония и долетели ли

его предсмертные вопли до павильона. Потом, собравшись с духом, я уже приготовился покинуть это место, как вдруг порыв ветра необычайной силы пронесся над этой частью бухты, и я увидел, как, то высоко взлетая в воздух, то легко скользя по поверхности песков, ко мне приближалась мягкая черная фетровая шляпа конической формы, точно такая, какую я видел на голове у итальянцев.

Мне кажется сейчас, хотя я и не уверен, что я тогда закричал. Ветер гнал шляпу к берегу, и я побежал, оглябая границу топи, чтобы поймать ее. Порывы ветра утихли, шляпа на мгновение задержалась на зыбучих песках, потом ветер, снова усилившись, опустил ее в нескольких шагах от меня. Вы можете себе представить, с каким любопытством я схватил ее! Она была сильно изношена, много старше тех, которые я видел сегодня на итальянцах. У нее была красная подкладка с маркой фабриканта, имя которого я сейчас забыл, но под которым стояло слово «Venedig». Так (если вы еще это помните) произносили австрийцы прекрасное имя Венеции, тогда и еще долгое время спустя находившейся под их игом.

Удар был сокрушителен. Мне повсюду мерещились воображаемые итальянцы, и я, в первый и, могу сказать, в последний раз за всю свою жизнь, был охвачен паническим ужасом. Я еще не знал, чего мне следует бояться, но, признаюсь, боялся до глубины души и с облегчением вернулся в свою ничем не защищенную одинокую пещеру в лесу.

Там, чтобы не разводить огня, я поел немного холодной овсянки, остававшейся с вечера, затем, подкрепленный и успокоившийся, отбросил все фантастические страхи и спокойно улегся спать.

Не могу сказать, сколько времени я спал, но внезапно был разбужен ослепительной вспышкой света, ударившей мне прямо в лицо. Она разбудила меня, как удар. В тот же миг я был уже на ногах. Но свет погас так же внезапно, как и зажегся. Тьма была непроглядная. И так как с моря свирепо ревел ветер и хлестал дождь, эти звуки бури начисто заглушали все прочие.

Признаюсь, прошло с полминуты, прежде чем я пришел в себя. Но два обстоятельства свидетельствовали о

том, что я был разбужен каким-то новым и весьма осязательным воплощением моих кошмаров. Первое: входной клапан моей палатки, который я тщательно завязал, когда вошел в нее, теперь был развязан; и второе — я все еще чувствовал с определенностью, исключавшей всякую галлюцинацию, запах горячего металла и горящего масла. Вывод был ясен: я был разбужен кем-то, кто направил мне в лицо вспышку потайного фонаря. Только вспышку и на мгновение. Он увидел мое лицо и ушел. Я спрашивал себя о причине такого странного поведения, и потом ответ пришел сам собою. Человек, кто бы он ни был, думал узнать меня и не узнал. Был еще один нерешенный вопрос, и на него, признаюсь, я даже боялся ответить: если бы он узнал меня, что бы он сделал?

Страх мой за себя тотчас же рассеялся: я понял, что меня посетили по ошибке; но с тем большей уверенностью я убедился, какая страшная опасность угрожает навильону. Требовалось немало решимости, чтобы выйти в темную чащу, нависшую над моим убежищем, но я ошупью пробирался по дороге к дюнам, сквозь потоки дождя, исхлестанный и оглушенный шквалами, опасаясь на каждом шагу наткнуться на притаившегося врага. Было так непроглядно темно, что окружи меня сейчас целая толпа, я бы этого не заметил. А буря редела с такой силой, что слух был бесполезен, как и зрение.

Весь остаток ночи, которая казалась мне бесконечно длинной, я бродил вокруг павильона, не встретив ни души, не услышав ни звука, кроме согласного хора ветра, моря и дождя. Сквозь щель ставен одного из верхних окон пробивался луч света, который подбадривал меня до наступления зари.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рассказывает о встрече Норсмора со мной и Кларой

С первыми проблесками дня я ушел с открытого места в свою обычную засаду, чтобы там в дюнах дожидаться прихода Клары. Утро было пасмурное, ненастное и тоскливое; ветер стих перед рассветом, но потом усилился и налетал порывами с побережья; море начало

успокаиваться, но дождь все еще хлестал немилосердно. По всему простору отмелей не видно было ни души. Но я был уверен, что где-то по соседству притаились враги. Фонарь, так неожиданно и внезапно ослепивший меня во сне, и шляпа, занесенная ветром на берег с Грэденской топи, — этих двух предупреждений было вполне достаточно, чтобы судить, какая опасность угрожает Кларе и всем обитателям павильона.

Было, должно быть, половина или без четверти восемь, когда дверь отворилась и милая девушка вышла ко мне, пробиваясь сквозь дождь. Я пошел к ней до самой границы дюн.

— Едва удалось вырваться, — сказала она. — Не хотели пускать меня по дождю.

— Клара, — спросил я, — вы не боитесь?

— Нет, — сказала она так просто, что это меня успокоило.

Жена моя была самая храбрая, самая лучшая из женщин; по опыту я убедился, что качества эти далеко не всегда совместимы, а у нее редкое бесстрашие соединялось с чисто женской нежностью и обаянием.

Я рассказал ей все происшедшее со вчерашнего утра, и хотя щеки ее заметно побледнели, она сохранила видимое спокойствие.

— Теперь вы видите, что мне ничто не угрожает, — сказал я под конец, — мне они не хотят зла. В противном случае я был бы уже мертв.

Она положила мне руку на плечо.

— А я в это время крепко спала! — воскликнула она.

То, как она это сказала, привело меня в восторг. Я обнял ее и привлек к себе. Прежде чем мы опомнились, ее руки были у меня на плечах и я поцеловал ее. И все же и тогда ни слова не было сказано нами о любви. И сейчас я ощущаю прикосновение ее щеки, мокрой и холодной от дождя, и часто потом, когда она мыла лицо, я целовал ее, в память того утра на морском берегу. Теперь, когда я лишился ее и в одиночестве кончаю свой жизненный путь, я вспоминаю нежность и глубину того чувства, которое соединяло нас, и по сравнению с этой потерей все мне кажется ничтожным.

Так прошло, быть может, несколько секунд — время влюбленных летит быстро, — а затем нас испугнул раз-

давшийся вблизи взрыв хохота. Это не был веселый смех, а натянутый хохот, скрывавший недоброе чувство. Мы обернулись, хотя моя левая рука все еще обнимала талию Клары и она не пыталась высвободиться, и в нескольких шагах от себя увидели Норсмора. Он стоял, опустив голову, заложив руки за спину, и даже ноздри у него побелели от ярости.

— А! Кессилис! — сказал он, когда я повернулся к нему.

— Он самый, — сказал я без всякого смущения.

— Так вот как, мисс Хеддлстон, — продолжал он медленно и злобно, — вот как вы храните верность вашему отцу и слово, данное вами мне! Вот во что оцениваете вы жизнь вашего отца! И вы так увлечены этим молодым джентльменом, что готовы пренебречь своей репутацией, законами приличия и самой элементарной осмотрительностью...

— Мисс Хеддлстон... — начал я, стараясь прервать его, но он, в свою очередь, грубо оборвал меня.

— А вы помолчите! — сказал он. — Я обращаюсь к этой девушке.

— Эта девушка, как вы ее называете, — моя жена, — сказал я, и моя жена крепче прижалась ко мне; я понял, что она одобряет мои слова.

— Ваша кто? — крикнул он. — Вы лжете!

— Норсмор, — сказал я, — мы все знаем ваш бешеный нрав, а меня не проймут никакие ваши оскорбления. Поэтому советую вам говорить потише — я уверен, что нас слушают.

Он оглянулся, и видно было, что мое замечание несколько утишило его ярость.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

Я ответил одним словом:

— Итальянцы.

Он крепко выбранился и перевел взгляд с меня на Клару.

— Мистер Кессилис знает все, что я знаю, — сказала моя жена.

— А мне хотелось бы знать, — начал он, — какого чорта мистер Кессилис явился сюда и какого чорта он здесь намеревается делать? Вы изволили заявить, что женаты, — этому я не верю. А если это так, Греденская топь вас скоро разведет: четыре с половиной минуты, Кессилис. У меня собственное кладбище для друзей!

— Итальянец тонул несколько дольше, — сказал я.

Он посмотрел на меня, слегка озадаченный, и потом почти вежливо попросил меня рассказать все, что я знаю.

— У вас все козыри в игре, мистер Кессилис, — добавил он.

Я, конечно, согласился удовлетворить его любопытство, и он выслушал меня, не в силах удержать восклицаний, когда я рассказывал ему, как очутился в Гредене, как он чуть не заколол меня в вечер высадки и о том, что я узнал об итальянцах.

— Так! — сказал он, когда я кончил. — Теперь дело ясное, ошибки быть не может. А что, осмелюсь спросить, вы намереваетесь делать?

— Я думаю остаться с вами и предложить свою помощь, — ответил я.

— Вы храбрый человек, — отозвался он с какой-то странной интонацией.

— Я не боюсь.

— Так, значит, — протянул он, — насколько я понимаю, вы поженились? И вы решитесь сказать это мне прямо в глаза, мисс Хеддлстон?

— Мы еще не обвенчаны, — сказала Клара, — но сделаем это при первой возможности.

— Bravo! — закричал Норсмор. — А уговор? Чорт возьми, вы ведь неглупая девушка, с вами можно говорить начистоту! Как насчет уговора? Вы не хуже меня знаете, от чего зависит жизнь вашего отца. Стоит мне только умыть руки и удалиться, как его прирежут еще до наступления ночи.

— Все это так, мистер Норсмор, — нисколько не теребясь, ответила она. — Но только вы этого никогда не сделаете. Уговор этот недостойн джентльмена, а вы, несмотря ни на что, джентльмен, и вы никогда не покинете человека, которому сами же протянули руку помощи.

— Вот как! — сказал он. — Так вы полагаете, что я предоставляю вам мою яхту задаром? Вы полагаете, что я стану рисковать своей жизнью и свободой ради прекрасных глаз старого джентльмена, а потом, чего доброго, буду разыгрывать роль шафера на вашей свадьбе? Что ж, — добавил он с какой-то кривой усмешкой, — положим, что вы способны поверить этому. Но спросите вот Кессилиса. Он-то знает меня. Можно ли мне довериться? Так ли я безобиден и совестлив? И, может быть, к тому же добр?

— Я знаю, что вы много говорите и, случается, очень глупо, — ответила Клара. — Но я знаю, что вы джентльмен, и ни капельки не боюсь.

Он посмотрел на нее все с тем же странным одобрением и восхищением, потом обернулся ко мне.

— Ну, а вы думаете, что я уступлю ее без борьбы, Фрэнк? — сказал он. — Говорю вам вперед: берегитесь! Когда мы с вами схватимся во второй раз...

— То это будет уже в третий, — прервал я его.

— Да, верно, в третий, — сказал он. — Я совсем забыл. Ну что же, третий раз — решительный!

— Вы хотите сказать, что в третий раз решит дело команда вашей яхты, которую вы приведете?

— Вы слышите его? — спросил он, обернувшись к моей жене.

— Я слышу, что двое мужчин разговаривают, как трусы, — сказала она. — Я бы презирала себя, если бы думала или говорила так, как вы. И ни один из вас сам не верит ни слову из того, что говорит, и тем это противнее и глупее!

— Вот это женщина! — воскликнул Норсмор. — Но пока еще она не миссис Кессилис. Молчу, молчу. Сейчас не мое время говорить.

Тут моя жена изумила меня.

— Мне пора уходить, — вдруг сказала она. — Мы слишком надолго оставили отца одного. И помните: вы должны быть друзьями, если каждый из вас считает себя моим другом.

Позднее она объяснила мне, почему поступила именно так. При ней, говорила она, мы продолжали бы ссориться, и я полагаю, что она была права, потому что когда она ушла, мы сразу перешли на дружеский тон.

Норсмор смотрел ей вслед, пока она уходила по песчаным дюнам.

— Нет другой такой женщины в целом свете! — воскликнул он, сопровождая эти слова проклятием. — Ведь надо же придумать!

Я, с своей стороны, воспользовался случаем, чтобы выяснить обстановку.

— Скажите, Норсмор, — сказал я: — похоже, что все мы сильно влопались?

— Не без того, милейший, — выразительно ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Сам Вельзевул со всеми его чертями! Можете мне поверить, что я трясусь за свою жизнь.

— Скажите мне только, — сказал я, — чего им надо, этим итальянцам? Чего им надо от мистера Хеддлстона?

— Так вы не знаете? — вскричал он. — Старый мошенник хранил деньги карбонариев¹ — двести восемьдесят тысяч — и, разумеется, просадил их, играя на бирже. На эти деньги собирались поднять восстание где-то в Триденте или Парме. Ну-с, восстание не состоялось, а обманутые устремились за мистером Хеддл-

¹ Карбонарии — угольщики; так назывались члены тайной революционно-демократической организации в Италии, боровшиеся против австрийского и папского угнетения. Собирались они в лесах под видом угольщиков, чем и вызвано их название — карбонарии.

стоном. Нам чертовски посчастливится, если мы уберем нашу шкуру!

— Карбонарии! — воскликнул я. — Это дело серьезное!

— Еще бы! — сказал Норсмор. — А теперь вот что: как я сказал вам, мы в отчаянном положении, и помощи вашей я буду рад. Если мне и не удастся спасти Хеддлстона, то девушку надо непременно спасти. Идемте к нам в павильон, и вот вам моя рука: я буду вам другом, пока старик не будет спасен или мертв. Но, — добавил он, — когда это выяснится, вы снова мой соперник, и предупреждаю — тогда берегитесь!

— Идет, — сказал я, и мы пожали друг другу руку.

— Ну, а теперь скорее в нашу крепость, — сказал Норсмор и повел меня туда сквозь дождь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рассказывает о том, как я был представлен старику

Мы были впущены в павильон Кларой, и при этом меня поразила тщательность и надежность обороны. Очень крепкая, но легко отодвигаемая баррикада ограждала дверь от всякого вторжения, а ставни столовой, как я это разглядел при слабом свете лампы, были укреплены еще старательней: доски были подперты брусьями и поперечинами, которые укреплялись, в свою очередь, целой системой скреп и подпорок. Это было прочное и хорошо рассчитанное устройство, и я не мог скрыть своего восхищения.

— Это я орудовал, — сказал Норсмор. — Помните, в саду были толстые доски? Ну так вот они. Узнаете?

— Я и не подозревал в вас таких талантов.

— Вы вооружены? — спросил он, указывая на целый арсенал ружей и револьверов, в образцовом порядке стоявших у стен и лежавших на буфете.

— Спасибо, — сказал я. — Со времени нашей последней встречи я хожу вооруженным. Но, сказать по правде, я больше думаю о том, что со вчерашнего дня ничего не ел.

Норсмор достал холодного мяса, за которое я рьяно принялся, и бутылку старого бургундского, от которого я, промокнувший до нитки, тоже не отказался. Я всегда принципиально придерживался крайней умеренности, но неразумно доводить принцип до абсурда, и на этот раз я осушил бутылку на три четверти. За едой я все еще продолжал восхищаться тем, как подготовлена оборона.

— Мы способны выдержать осаду, — сказал я.

— Пожалуй, — протянул Норсмор. — Недолгую осаду — пожалуй. Пугает меня не слабость обороны павильона, а полная безвыходность положения. Если мы начнем стрелять, то, как ни пустынна эта местность, кто-нибудь наверное услышит, а тогда не все ли равно — умереть за тюремной решеткой или под ножом карбонария? Таков выбор. Чертовски плохо у нас иметь против себя закон, я это много раз говорил старому джентльмену. Он, впрочем, сам того же мнения.

— Кстати, — спросил я, — что он за человек?

— Это вы о Хеддлстоне? — спросил Норсмор. — Порочен до мозга костей. По мне, пусть хоть завтра же ему свернут шею все черти, какие только есть в Италии! В это дело я впутался не ради него. Вы меня понимаете? Я уговорился получить руку этой барышни и своего добыюсь!

— Конечно, понимаю, — сказал я. — Но как отнесется мистер Хеддлстон к моему вторжению?

— Предоставьте это Кларе, — сказал Норсмор.

Я чуть было не отвесил ему пощечину за эту грубую фамильярность, но я был связан перемирием, как, впрочем, и Норсмор, так что, пока не исчезла опасность, в наших отношениях не было ни облачка. Я отдаю ему должное с чувством самого искреннего удовлетворения, да и сам не без гордости вспоминаю, как вел себя в этом деле. Ведь вряд ли можно было представить себе положение настолько же щекотливое и раздражающее.

Как только я покончил с едой, мы отправились осматривать нижний этаж. Мы перепробовали все подпорки у окон, кое-где сделали незначительные исправления, и удары молотка зловеще раздавались по всему дому. Я, помнится, предложил проделать бойницы, но Норсмор сказал, что они уже проделаны в ставнях верхнего

этажа. Этот осмотр был мало приятен и привел меня в уныние. Надо было защищать две двери и пять окон, а нас, считая и Клару, было только четверо против неизвестного числа врагов. Я поделился своими опасениями с Норсмором, который невозмутимо уверил меня, что полностью разделяет их.

— Еще до наступления утра, — сказал он, — все мы будем погребены в Грэдентской топи. Мой приговор подписан.

Я не мог не содрогнуться при упоминании о зыбучих песках, но напомнил Норсмору, что наши враги пощадили меня ночью в лесу.

— Не обольщайтесь надеждой, — сказал он. — Тогда вы не были в одной лодке со старым джентльменом, а теперь в нее уселись. Всех нас ожидает топь, помяните мое слово.

Я еще больше испугался за Клару, а тут как раз ее милый голосок позвал нас наверх. Норсмор указал мне дорогу и, поднявшись по лестнице, постучал в дверь комнаты, которую называли «спальней дядюшки», так как строитель павильона предназначал ее специально для себя.

— Входите, Норсмор, входите, дорогой мистер Кесилис, — послышался голос.

Распахнув дверь, Норсмор пропустил меня вперед. Входя, я увидел, что Клара выскользнула через боковую дверь в смежную комнату, где была спальня. На кровати, которая не стояла уже возле окна, где я ее в последний раз видел, а была сдвинута к задней стене, сидел Бернард Хеддлстон, обанкротившийся банкир. Я только мельком видел его в колеблющемся свете фонаря на берегу, но узнал без труда. Лицо у него было продолговатое и болезненно желтое, окаймленное длинной рыжей бородой и бакенбардами. Приплюснутый нос и широкие скулы придавали ему какой-то калмыцкий вид, а его светлые глаза лихорадочно блестели. На нем была черная шелковая ермолка, перед ним на кровати лежала огромная библия, заложенная золотыми очками, а на низкой этажерке у постели громоздилась кipa книг. Зеленые занавеси отбрасывали на его щеки мертвенный отблеск. Он сидел, обложенный подушками, согнув свое длинное туловище так, что голова пе-

регибалась ниже колен. Я думаю, что не умри он другой смертью, его все равно через несколько недель доконала бы чахотка.

Он протянул мне руку, длинную, тощую и до отвращения волосатую.

— Входите, входите, мистер Кессилис, — сказал он. — Еще один покровитель, гм... еще один покровитель. Всегда желанный для меня как друг моей дочери, мистер Кессилис. Как они собрались вокруг меня, друзья моей дочери! Да благословит и наградит их за это небо!

Конечно, я протянул ему руку, я не мог не сделать этого, но та симпатия, которую я готов был питать к отцу Клары, была развеяна его видом и неискренним, льстивым тоном.

— Кессилис очень полезный человек, — сказал Норсмор. — Один стоит десяти.

— Вот и я это слышал! — с жаром вскричал мистер Хеддлстон. — Так и дочь мне говорила. Ах, мистер Кессилис, как видите, грех мой обратился против меня! Я грешен, очень грешен, но каюсь в своих прегрешениях. Нам всем надо будет предстать перед судом всевышнего, мистер Кессилис. Я и то запоздал, но явлюсь на суд с покорностью и смирением...

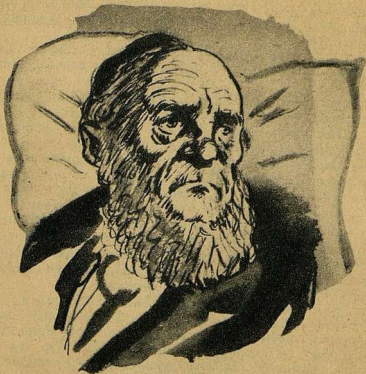
— Слышали, слышали! — грубо прервал его Норсмор.

— Нет, нет, дорогой Норсмор! — закричал банкир. — Не говорите так, не старайтесь поколебать меня. Не забудьте, дорогой, милый мальчик, не забудьте, что сегодня же я могу быть призван моим создателем.

Противно было смотреть на его волнение, но я начинал возмущаться тем, как Норсмор, взгляды которого мне были хорошо известны и вызывали у меня только презрение, продолжал высмеивать покаянное настроение жалкого старика.

— Полноте, дорогой Хеддлстон, — сказал он. — Вы несправедливы к себе. Вы душой и телом человек мира сего и обучились всем грехам еще до того, как я родился. Совесть ваша выдублена, как южноамериканская кожа, но только вы позабыли выдубить и вашу печень, а отсюда, поверьте мне, и все ваши терзания.

— Шутник, шутник, негодник этакий! — сказал мистер Хеддлстон, погрозив пальцем. — Конечно, я не ри-

горист¹ и всегда ненавидел эту породу, но и в грехе я никогда не терял лучших чувств. Я вел дурную жизнь, мистер Кессилис, не стану отрицать этого, но все началось после смерти моей жены, а вы знаете, каково приходится вдовцу. Грешен — каюсь. Но ведь есть же и снисхождение, я твердо в это верю. И уж если на то пошло... Что это? — внезапно прервал он себя, подняв руку, растопырив пальцы, напряженно и боязливо вслушиваясь. — Нет, слава богу, это только дождь, — помолчав немного, добавил он с невыразимым облегчением.

Несколько секунд он лежал, откинувшись на подушки, близкий к обмороку. Потом немного пришел в себя

¹ Ригорист — человек, чрезмерно требовательный к себе и другим.

и несколько дрожащим голосом снова принялся благодарить меня за участие, которое я собирался принять в его защите.

— Один вопрос, сэр, — сказал я, когда он на минуту остановился. — Скажите, правда ли, что деньги и теперь при вас?

Вопрос этот ему очень не понравился, но он нехотя согласился, что небольшая сумма у него есть.

— Так вот, — продолжал я: — ведь они добиваются своих денег? Почему бы их не отдать им?

— Увы! — ответил он, покачивая головой. — Я уже пытался сделать это, мистер Кессилис, но нет! Как это ни ужасно, они жаждут крови!

— Хеддлстон, не надо передергивать, — сказал Норсмор. — Вам следовало бы добавить, что вы не предлагали и восьмидесяти из двухсот восьмидесяти тысяч. О разнице стоило бы упомянуть: это, как говорится, кругленькая сумма. И эти итальянцы, как мне кажется, рассуждают по-своему вполне резонно.

— А деньги здесь, в павильоне? — спросил я.

— Тут. Но лучше бы им быть на дне моря, — сказал Норсмор и внезапно закричал на мистера Хеддлстона, к которому я обернулся спиной: — Что это вы мне строите гримасы? Вы что, думаете, что Кессилис предаст вас?

Мистер Хеддлстон поспешил уверить, что ничего такого ему и в голову не приходило.

— Ну то-то же! — угрюмо оборвал его Норсмор. — Вы рискуете, в конце концов, наскучить нам. Что вы хотели предложить? — обратился он ко мне.

— Я собирался предложить вам на сегодня вот что, — сказал я. — Давайте-ка вынесем эти деньги, сколько их есть, и положим перед дверьми павильона. И если придут карбонарии — ну что ж, деньги-то ведь принадлежат им...

— Нет, нет, — завопил мистер Хеддлстон, — не им! Во всяком случае, не только им, но всем кредиторам. Все они имеют право на свою долю.

— Слушайте, Хеддлстон, — сказал Норсмор, — к чему эти небылицы?

— Но как же моя дочь? — стонал презренный старик.

— О дочери можете не беспокоиться. Перед вами два жениха, из которых ей придется выбирать, — Кессилис и я, и оба мы не нищие. А что касается вас самих, то, по правде говоря, вы не имеете права ни на грош, и к тому же, если я не ошибаюсь, вы на пороге смерти.

Без сомнения, жестоко было так говорить, но мистер Хеддлстон не вызывал к себе сочувствия, и хотя он дрожал и корчился, я не только одобрил в душе эту отповедь, но прибавил к ней и свое слово.

— Норсмор и я охотно поможем вам спасти жизнь, — сказал я, — но не скрываться с награбленным добром.

Видно было, как он боролся с собой, чтобы не поддаваться гневу, но осторожность победила.

— Мои дорогие друзья, — сказал он. — Делайте со мной и моими деньгами все, что хотите. Я всецело доверяюсь вам. А теперь дайте мне успокоиться.

И мы покинули его, признаюсь, с большим облегчением.

Уходя, я видел, что он снова взялся за свою большую библию и дрожащими руками надевал очки, собираясь читать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рассказывает о том, как мы слышали сквозь ставни одно только слово

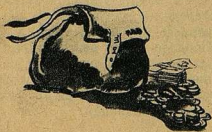
Воспоминание об этом дне навсегда запечатлелось в моей памяти. Норсмор и я, мы оба были уверены, что нападение неизбежно, и если бы в наших силах было изменить хотя бы последовательность событий, то, наверное, мы постарались бы ускорить, но никак не отсрочить критический момент. Можно было опасаться самого худшего, но мы не могли себе представить ничего ужаснее того ожидания, которое мы переживали. Я никогда не был рьяным читателем, но всегда любил книги, а в это утро все они казались мне несносными, и я, едва раскрыв, бросал их. Позднее даже разговаривать стало невозможно. Все время то один, то другой из нас прислушивался к какому-нибудь звуку или косился сквозь верхнее окно на пустые отмели. А между тем ничто не говорило о присутствии итальянцев.

Снова и снова обсуждалось мое предложение относительно денег, и будь мы способны рассуждать здраво, мы, конечно, отвергли бы этот план как неразумный, но мы были настолько поглощены тревогой, что схватились за последнюю соломинку и решили сделать еще одну попытку, хотя она только выдавала присутствие в павильоне мистера Хеддлстона.

Деньги были частью в звонкой монете, частью в банкнотах, частью же в чеках на имя некоего Джемса Грегори. Мы достали все, пересчитали, вложили снова в сундучок Норсмора и заготовили письмо итальянцам, которое прикрепили к ручке. В нем было наше клятвенное заявление за подписью нас обоих, что здесь все деньги, спасенные от банкротства Хеддлстона. Быть может, это был безумнейший из поступков, на который способны были два, по их собственному мнению, здравомыслящих человека. Если бы сундучок попал не в те руки, для которых он предназначался, выходило, что мы письменно сознавались в преступлении, совершенном нами. Но, как я уже говорил, тогда мы неспособны были здраво судить о вещах и страстно желали хоть чем-нибудь — все равно, дурным или хорошим — нарушить нестерпимое ожидание беды. Более того: так как мы оба были уверены, что впадины между дюнами полны лазутчиков, наблюдающих за каждым нашим шагом, то мы надеялись, что наше появление с сундучком может привести к переговорам и, как знать, даже к соглашению.

Было около трех, когда мы вышли из павильона. Дождь прекратился, светило солнце. Я никогда не видел, чтобы чайки летали так низко над домом и так безбоязненно приближались к людям. Одна из них тяжело захлопала крыльями над моей головой и пронзительно прокричала мне в самое ухо.

— Вот вам и знамение, — сказал Норсмор, который, как все вольнодумцы, был во власти всяческих суеверий. — Они думают, что мы уже мертвы.

Я ответил на это шуткой, но довольно натянутой, потому что обстановка действовала и на меня.

Мы поставили наш сундучок за два или три шага от калитки на лужайку мягкого дерна, и Норсмор помахал в воздухе белым платком. Никто не отозвался. Мы громко кричали по-итальянски, что посланы, чтобы уладить дело, но тишина нарушалась только чайками и шумом прибоя. У меня было тяжело на душе, когда мы прекратили наши попытки, и я увидел, что даже Норсмор был необычно бледен. Он нервно озирался через плечо, как будто опасаясь, что кто-то сидит в засаде на пути к двери.

— Бог мой! — прошептал он. — Я, кажется, этого не вынесу!

Я отвечал ему тоже шопотом:

— А что, если их вовсе и нет?

— Смотрите, — возразил он, слегка кивнув, как будто боялся указать рукой.

Я посмотрел в том направлении и над северной частью леса увидел тоненький синий дымок, упрямо подымавшийся в безоблачное теперь небо.

— Норсмор, — сказал я (мы все еще разговаривали шопотом), — это ожидание невыносимо. Я предпочитаю этому смерть. Оставайтесь здесь охранять павильон, а я пойду и удостоверюсь, хотя бы пришлось дойти до самого их лагеря.

Он еще раз огляделся, прищурив глаза, и потом утвердительно кивнул головой.

Сердце у меня стучало, словно молот в кузнице, когда я быстро шел по направлению к дымке, и хотя до сих пор меня бросало в озноб, теперь я почувствовал, что весь горю. Местность в этом направлении была очень изрезана, в ее складках на моем пути могли бы укрыться сотни людей. Но я недаром напрактиковался в этом деле и выбирал дорогу по гребням так, чтобы сразу обозревать несколько ложбин между дюнами. И вскоре я был вознагражден за эту уловку. Быстро взбежав на бугор, возвышавшийся над окружающими дюнами, я увидел шагах в тридцати согнутую фигуру человека, со всей ему доступной быстротой пробиравшегося по дну ложбины. Я поднял из засады одного из лазутчиков и сейчас же громко окликнул его по-английски и по-итальянски. Он, видя, что прятаться теперь бессмысленно, выпрямился, выпрыгнул из ложбины и, как стрела, понесся к опушке леса.

Преследовать его не входило в мою задачу. Я удостоверился в своих догадках: мы в осаде и под наблюдением, и, сейчас же повернув назад, пошел по своим следам, к тому месту, где Норсмор ожидал меня у сундучка. Он был еще бледнее, чем когда я его оставил, и голос его слегка дрожал.

— Видели вы его лицо? — спросил он.

— Только спину, — ответил я.

— Пойдемте в дом, Фрэнк. Я не считаю себя трусом, но больше я так не могу, — прошептал он.

Все вокруг было солнечно и спокойно, когда мы вошли в павильон; даже чайки пустились в дальний облет, и видно было, как они мелькали над бухтой и над дюнами. Эта пустота ужасала меня больше целого полчища врагов. Только когда мы забаррикадировали дверь, у меня немного отлегло от сердца, и я перевел дух. Норсмор и я обменялись взглядами, и, должно быть, каждый из нас отметил бледность и растерянность другого.

— Вы были правы, — сказал я. — Все кончено. Пожмем руки в память старого и в последний раз.

— Хорошо, — ответил он. — Вот моя рука, и поверьте, что я протянул вам ее без задней мысли. Но помните: если каким-нибудь чудом мы ускользнем из рук этих злодеев, я всеми правдами и неправдами одолею вас.

— Вы надоели мне! — сказал я.

Его это, казалось, задело; он молча дошел до лестницы и остановился.

— Вы меня не понимаете, — сказал он. — Я веду честную игру и только защищаюсь, вот и все. Надоело это вам или нет, мистер Кессилис, мне решительно все равно. Я говорю, как мне вздумается, а не для вашего удовольствия. Вы бы шли наверх ухаживать за девушкой. Я останусь здесь.

— И я останусь с вами, — сказал я. — Вы что же, думаете, что я способен на нечестный удар, хотя бы и с вашего соизволения?

— Фрэнк, — сказал он с улыбкой, — как жаль, что вы такой осел! У вас задатки мужчины. И, должно быть, это уже веяние смерти: как вы ни стараетесь разозлить меня, вам это не удастся. Знаете что? — продолжал он. — Мне кажется, что мы с вами несчастнейшие люди во всей Англии. Мы дожили до тридцати лет без жены, без детей, без любимого дела — жалкие горемыки оба. И надо же было нам столкнуться из-за девушки! Да их миллионы в Соединенном королевстве! Ах, Фрэнк, Фрэнк, жаль мне того, кто проиграет свой заклад! Все равно — вы или я. Лучше бы ему... как это

говорится в библии? — лучше бы ему мельничный жорнов на шею и броситься с ним на дно моря... Давайте-ка выпьем! — предложил он вдруг очень серьезно.

Я был тронут его словами и согласился. Он присел за стол и поднял к глазам стакан хереса.

— Если вы одолеете меня, Фрэнк, — сказал он, — я запью. А вы что сделаете, если я возьму верх?

— Право, не знаю, — сказал я.

— Ну, — сказал он, — а пока вот вам тост: *Italia irredental*¹

Остаток дня прошел все в том же томительном ожидании. Я накрывал на стол, в то время как Норсмор и Клара готовили обед на кухне. Ходя взад и вперед, я слышал, о чем они говорили, и меня удивило, что разговор шел все время обо мне. Норсмор опять включил нас в одну скобку и называл Клару разборчивой невестой; но обо мне он продолжал говорить с уважением, а если в чем и порицал, то при этом не щадил и себя. Это вызвало у меня благодарное чувство, которое в соединении с неотвратимостью нашей гибели наполнило глаза мои слезами. «Вот ведь, — думал я, и самому мне смешна была эта тщеславная мысль, — вот здесь нас три благородных человека, гибнущих, чтобы спасти грабителя-банкира!»

Прежде чем сесть за стол, я поглядел в одно из верхних окон. День клонился к закату. Отмель была до жути пустынна. Сундучок все стоял на том же месте, где мы его оставили.

Мистер Хеддлстон, в длинном желтом халате, сел на одном конце стола, Клара — на другом, тогда как Норсмор и я сидели друг против друга. Лампа была хорошо заправлена, вино — отличное, мясо, хотя и холодное, тоже первого сорта. Мы как бы молча уговорились тщательно избегать всякого упоминания о нависшей катастрофе и, принимая во внимание трагические обстоятельства, старались казаться веселее, чем были на самом деле. Правда, время от времени Норсмор или я поднимались из-за стола, чтобы осмотреть наши запоры, и каждый раз мистер Хеддлстон, как бы вспоминая о

¹ *Italia irredental*! — За воссоединенную Италию!

своем положении, озирался вокруг. Глаза его, казалось, стеклянели, а лицо выражало ужас. Но потом он поспешно осушал свой стакан, вытирал лоб платком и снова вступал в разговор.

Я был поражен умом и образованностью, которые он при этом обнаруживал. Мистер Хеддлстон был, несомненно, незаурядный человек, он много читал, много видел и

здрово судил о вещах. Хоть я никогда бы не мог заставить себя полюбить этого человека, но теперь начинал понимать причины его успеха в жизни и того почета, который его окружал до банкротства. К тому же он был светский человек, и хотя я единственный раз слышал его, и при таких неблагоприятных обстоятельствах, но и сейчас считаю его одним из самых блестящих собеседников, каких мне приходилось встречать.

Он с большим юмором и, повидимому, без всякого осуждения рассказывал о проделках одного мошенника-купца, которого он знал и наблюдал в дни своей юности, и все мы слушали его со смешанным чувством удивления и неловкости, как вдруг наша веселая беседа была внезапно оборвана самым ошеломляющим образом.

Рассказ мистера Хеддлстона был прерван таким звуком, словно кто-то провел мокрым пальцем по стеклу. Все мы сразу побледнели, как полотно, и без звука замерли на месте.

— Улитка, — сказал я наконец. — Я слышал, что эти твари издают звук вроде этого.

— Какая там, к черту, улитка! — сказал Норсмор. — Тише!

Тот же самый звук повторился дважды, с правильными интервалами, а потом сквозь ставни раздался гро-

мовой голос, произнесший итальянское слово: «Traditore!»¹

У мистера Хеддлстона откинулась назад голова, его веки задрожали, и он без сознания повалился под стол. Норсмор и я подбежали к стойке и вооружились. Клара вскочила и схватилась за горло.

Так мы стояли в ожидании, полагая, что сейчас последует атака; мгновение проходило за мгновением, но все вокруг павильона было безмолвно, слышался только звук прибоя.

— Скорее, — сказал Норсмор, — отнесем его наверх, пока они не пришли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рассказывает о конце Хеддлстона

Кое-как нам удалось соединенными усилиями дотащить Хеддлстона наверх и уложить его в постель в комнате дядюшки. При этом ему сильно досталось, но он не подавал признаков жизни и остался лежать, как мы его положили, не шевельнув пальцем. Дочь растегнула ему ворот и стала смачивать его грудь и голову, а мы с Норсмором побежали к окну. Было по-прежнему ясно, поднялась полная луна и ярко освещала отмель, но как мы ни напрягали глаза, мы не могли обнаружить никакого движения. А относительно нескольких темных пятен среди бугров нельзя было сказать ничего определенного — это могли быть и притаившиеся люди и просто тени.

— Слава богу, — сказал Норсмор, — что Эгги не собиралась к нам сегодня.

Это было имя его старой няни; до сих пор он о ней не вспоминал, и то, что он мог думать о ней сейчас, изумило меня в этом человеке.

Опять нам оставалось только ждать. Норсмор подошел к камину и стал греть руки у огня; словно ему было холодно. Я невольно следил за ним и при этом повернулся спиной к окну. Вдруг снаружи раздался слабый звук выстрела, пуля пробила одно из стекол и впи-

¹ Traditore — предатель.

лась в ставню дюймах в двух от моей головы. Я слышал, как вскрикнула Клара, и хотя я сейчас же отскочил от окна и укрылся в углу, она была уже возле меня, стараясь убедиться, что я невредим. Я почувствовал, что за такую награду готов подставлять себя под выстрелы каждый день и целыми днями подряд. Я старался успокоить ее как можно ласковее, совершенно забыв обо всем происходящем, но голос Норсмора вернул меня к жизни.

— Духовое ружье, — сказал он. — Они хотят расправиться с нами без шума.

Я отстранил Клару и посмотрел на него. Он стоял спиной к огню, заложив руки назад, и по мрачному выражению его лица я понял, какие страсти кипели в нем. Точно такое же выражение было у него в тот мартовский вечер, когда он напал на меня вот тут, в соседней комнате, и хотя я готов был всячески извинить его гнев, признаюсь — последствия приводили меня в трепет. Он смотрел прямо перед собой, но краешком глаза мог ви-

деть нас, и ярость его вздымалась, как нараставший шквал. Ожидая битвы, которая предстояла нам с внешним врагом, я начал бояться этой внутренней распри.

Не отрываясь, я следил за выражением его лица, готовясь к худшему, как вдруг увидел в нем перемену — мгновенное просветление. Он взял лампу, стоявшую возле меня на столе, и возбужденно обратился к нам.

— Нам необходимо выяснить одно обстоятельство, — сказал он. — Намереваются ли они прикончить всех нас или только Хеддлстона? Интересно, приняли они вас за него или стреляли ради ваших прекрасных глаз?

— Они меня приняли за него, — сказал я. — В этом нет сомнения. Я почти такого же роста, и волосы у меня светлые.

— Ну что ж, проверим, — возразил Норсмор и шагнул к окну, держа лампу на уровне головы. Так он простоял, играя со смертью, с полминуты.

Клара пыталась броситься к нему и оттащить его от опасного места, но я с простительным эгоизмом удержал ее силой.

— Да, — сказал Норсмор невозмутимо, отходя от окна. — Да, им нужен только Хеддлстон.

— О, мистер Норсмор! — воскликнула Клара и не нашла, что прибавить: действительно, бесстрашие, им проявленное, было выше всяких слов.

А он посмотрел на меня, торжествующе закинув голову, и я сразу понял, что он так рисковал своей жизнью только затем, чтобы привлечь внимание Клары и свести меня с пьедестала героя дня. Он хрустнул пальцами.

— Ну, огонь еще только разгорается, — сказал он. — Когда они разгорячатся за работой, они не будут так шепетильны.

Вдруг послышался голос, окликавший нас у калитки. В окно нам видна была при лунном свете фигура мужчины. Он стоял неподвижно, подняв голову, и в протянутой руке у него был какой-то белый лоскут. И хотя он стоял далеко от нас, глаза его отражали лунный блеск. Он снова открыл рот и несколько минут говорил так громко, что его слышно было не только в любом закоулке нашего павильона, но, вероятно, и на опушке леса. Это был тот самый голос, который прокричал слово «предатель» сквозь ставни столовой. На этот раз

он говорил внятно и ясно: если предатель «Оддлстон» будет выдан, всех остальных пощадят, в противном случае ни один не уцелеет, во избежание огласки.

— Ну, Хеддлстон, что вы на это скажете?

До этого момента банкир не подавал признаков жизни — я, по крайней мере, предполагал, что он попрежнему лежит без сознания, но он тотчас отозвался и с исступлением горячечного больного умолял, заклинал нас не покидать его. Я никогда не был свидетелем зрелища, отвратительнее и позорнее этого.

— Довольно! — крикнул Норсмор.

Он распахнул окно, высунулся по пояс и, разъяренный, словно позабыв, что здесь присутствует женщина, обрушил на голову парламента поток самой отборной брани, как английской, так и итальянской, и посоветовал

ему убраться туда, откуда он пришел. Я думаю, что в этот момент Норсмор рад был отвести душу, зная, что еще до окончания ночи мы все неминуемо погибнем.

Тем временем итальянец сунул свой белый флаг в карман и не спеша удалился.

— Они ведут войну по всем правилам, — сказал Норсмор. — Они все джентльмены и солдаты. По правде сказать, мне бы очень хотелось поменяться с ними ролями — мне и вам, Фрэнк, и вам тоже, милая моя барышня, — и предоставить защиту вот этого создания, — он указал на постель, — кому-нибудь другому. Да-да, не прикидывайтесь возмущенными! Все мы на пороге того, что называется вечностью, а могли бы еще выпрыгнуть, пока есть

время. Что касается меня, то если бы я мог сначала задушить Хеддлстона, а потом обнять Клару, я с радостью, гордясь собой, пошел бы на смерть.

Он захохотал громко и продолжительно, и я испугался, что рассудок его не выдержал напряжения, потому что даже в лучшие дни он смеялся редко и сдержанно.

— Ну, Фрэнк, — сказал он, когда веселье его слегка улеглось. — Вот вам моя рука. Прощайте, счастливого пути!

Потом, видя, что я возмущен его поведением и стою

словно оцепенелый, загораживая от него Клару, он продолжал:

— Ну не злитесь так, дружище! Что же, вы собираетесь и умирать со всеми вашими церемониями и ужимками светского человека?

Я отвернулся, охваченный презрением, которого и не думал скрывать.

— Ну как вам угодно, — сказал он. — Ханжой вы жили, ханжой и умрете.

С этими словами он уселся в кресло, положив ружье на колени, и для развлечения стал щелкать затвором, но я видел, что этот взрыв легкомыслия — единственный у него на моей памяти — уже окончился и его сменило угрюмое и злобное настроение.

За это время осаждающие могли бы ворваться в дом и застать нас врасплох; в самом деле, мы совсем забыли об угрожавшей нам опасности. Но тут раздался крик мистера Хеддлстона, и он спрыгнул с кровати.

— Горим! — закричал он. — Они подожгли дом!

Норсмор и я мгновенно вбежали в соседнюю комнату. Она была ярко освещена полыхавшим пламенем. Как раз, когда мы открыли дверь, перед окном взметнулся целый смерч огня, и лопнувшее со звоном стекло усеяло ковер осколками. Они подожгли пристройку, где Норсмор хранил свои негативы.

— Тепло! — сказал Норсмор. — А ну-ка, в вашу прежнюю комнату!

В ту же секунду мы были там, распахнули ставни и выглянули наружу.

Вдоль всей задней стены павильона были сложены и подожжены кучи хвороста. Вероятно, они были политы керосином, потому что, несмотря на бывший утрот дождь, ярко пылали. Пламя охватило уже всю пристройку и с каждым мгновением вздымалось все выше и выше; задняя дверь была в самом центре пылающего костра; поглядев вверх, мы увидели, что карниз уже дымился, потому что далеко выступавшую крышу поддерживали массивные деревянные балки. В то же время клубы горячего, едкого, удушливого дыма стали наполнять дом. Вокруг не видно было ни души.

— Ну что ж! — сказал Норсмор. — Вот, слава богу, и конец!

И мы вернулись в комнату дядюшки. Мистер Хеддлстон надевал ботинки, все еще дрожа, но с таким решительным видом, какого я у него раньше не замечал. Клара стояла рядом с ним, держа в руках пальто, которое она собиралась накинуть на плечи; в глазах ее было странное выражение: она не то на что-то надеялась, не то сомневалась в своем отце.

— Ну-с, леди и джентльмены, — сказал Норсмор, — как вы насчет прогулки? Очаг разожжен, и оставаться тут — значит в нем изжариться. Что до меня, я хотел бы до них дорваться, а там и делу конец.

— Другого выхода нет, — сказал я.

— Нет, — повторили за мной Клара и мистер Хеддлстон, но совершенно различным тоном.

Мы спустились вниз. Жар был едва переносим, и рев огня оглушал нас. Едва мы вышли в переднюю, как там лопнуло стекло, и огненный язык ворвался в отверстие, осветив весь павильон зловещим пламенем. В то же самое время мы услышали, как наверху грохнуло что-то тяжелое. Ясно было, что весь павильон пылал, как спичечная коробка, и каждую минуту мог обрушиться нам на голову.

Норсмор и я взвели курки револьверов. Мистер Хеддлстон, который отказался от оружия, отстранил нас повелительным жестом.

— Пусть Клара распахнет дверь, — сказал он. — Тогда, если они дадут залп, она будет прикрыта дверью. А вы пока станьте за мной. Я козел отпущения. Грех мой настиг меня.

Я слышал, стоя за его плечом с оружием наготове, как он бормочет молитвы прерывистым быстрым шопотом, и сознаюсь, что, как ни ужасно это может показаться, я презирал его, помышлявшего о каких-то мольбах в этот страшный, решительный час. Между тем Клара, смертельно бледная, но сохранившая присутствие духа, разобрала баррикаду у входа. Еще мгновение — и она широко распахнула дверь. Пожарище и луна освещали отмель смутным, изменчивым светом, и мы видели, как далеко по небу тянулась полоса багрового дыма.

Мистер Хеддлстон, на мгновение обретший несвойственную ему решимость, резко толкнул меня и Норсмо-

ра локтями в грудь, и мы еще не успели сообразить, в чем дело, и помешать ему, как он, высоко подняв руки над головой, словно для прыжка в воду, выбежал вон из павильона.

— Вот я! — кричал он. — Я, Хеддлстон! Убейте меня и пощадите остальных!

Его внезапное появление, должно быть, ошеломило наших врагов, потому что Норсмор и я успели опомниться и, подхватив Клару под руки, броситься к нему на выручку, прежде чем что-либо произошло. Но только мы переступили порог, как из-за всех бугров и дюн сверкнули огоньки и раздались выстрелы. Мистер Хеддлстон пошатнулся, отчаянно и пронзительно вскрикнул и, раскинув руки, упал навзничь.

— *Traditore! Traditore!* — закричали невидимые мстители.

Огонь распространялся так быстро, что часть крыши в этот миг рухнула. Громкий, странный и устрашающий звук сопровождал этот обвал павильона. Огромный столб пламени высоко поднялся в небо; его, вероятно, видно было в открытом море миль за двадцать от берега — и в Грэден Истере, и с пика Грей Стил, крайней восточной оконечности гряды Колдер Хиллс.

Каковы бы ни были по воле божьей похороны Бернарда Хеддлстона, но погребальный костер его был великолепен.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рассказывает о том, как Норсмор осуществил свою угрозу

Мне очень трудно рассказать вам о том, что последовало за этими трагическими событиями. Когда я оглядываюсь на эти дни, все мне представляется смутным, напряженным и беспомощным, как бредовой кошмар больного. Я вспоминаю, что Клара как-то прерывисто всхлипнула и упала бы на землю, если бы Норсмор и

я не поддерживали ее безжизненное тело. Нас никто не тронул. Я, кажется, даже не видел ни одного из нападавших, и мы покинули мистера Хеддлстона, даже не взглянув на него. Помню, что я бежал, как человек, охваченный паникой, неся Клару то один, то вместе с Норсмором, то вновь отнимая у него дорогую ношу.

Почему мы выбрали своей целью мой лагерь и как мы добрались туда — все это совершенно стерлось из моей памяти. Первое, что отчетливо вспоминается мне, был момент, когда мы уронили Клару около моей палатки и сами упали возле нее на траву. Норсмор с упорной яростью колотил меня по голове рукояткой револьвера. Он нанес мне две раны в голову, и последовавшей потере крови я приписываю внезапное прояснение моих мыслей.

Я схватил его за руку.

— Норсмор, — как сейчас помню, сказал я. — Убить меня вы всегда успеете, поможем сначала Кларе.

Он уже совсем одолевал меня. Но, услышав эти слова, он тотчас вскочил на ноги, и мы бросились к палатке. В следующее мгновение он уже прижимал Клару к своему сердцу и целовал ее бесчувственное лицо и руки.

— Стыдитесь! — закричал я. — Стыдитесь, Норсмор!

И, еще не поборов головокружения, я стал бить его по голове и плечам.

Он выпустил Клару и посмотрел мне в лицо при бледном свете луны.

— Вы были в моей власти, и я отпустил вас, — сказал он. — А теперь вы нападаете на меня. Трус!

— Это вы трус, — ответил я. — Разве она позволила бы вам целовать себя, будь она в сознании? Никогда! А теперь она, может быть, умирает, а вы теряете драгоценное время и пользуетесь ее беспомощностью! Пустите ее и дайте мне оказать ей помощь.

Он с минуту смотрел на меня, бледный и угрожающий, потом внезапно отошел в сторону.

— Ну так помогайте!

Я стал на колени возле нее и, как умел, ослабил завязки ее платья, но в это время тяжелая рука опустилась на мое плечо.

— Руки прочь от нее! — яростно сказал Норсмор. — Вы что же, думаете, что у меня в жилах вода?

— Норсмор! — закричал я. — Вы и сами не можете помочь ей и мне не даете. Не мешайте, а то я убью вас!

— Вот это лучше! — закричал он. — Ну и пусть ее умирает! Подумаешь, важность! Прочь от этой девушки — и готовьтесь к бою!

Я снова упал перед ней на колени, откинул волосы с ее лица и с глубоким чувством запечатлел поцелуй на ее холодном лбу. Это была отеческая ласка, какая и приличествует мужчине, готовящемуся умереть, по отношению к женщине, уже мертвой.

— А теперь, — сказал я, — я к вашим услугам, мистер Норсмор.

Но, к моему изумлению, он стоял, повернувшись ко мне спиной.

— Вы слышите? — спросил я.

— Да, — сказал он, — слышу. Если хотите драться, я готов. Если нет, попытайтесь спасти Клару. Мне все равно.

Я не заставил себя просить; склонившись над Кларой, я продолжал свои усилия оживить ее. Она попрежнему лежала бледная и безжизненная. Я уж начинал пугаться, что жизнь в самом деле покинула ее. Ужас и отчаяние охватили мое сердце. Я звал ее по имени, вкладывая в это всю свою душу, я гладил и растирал ее руки, то опускал ее голову, то приподнимал, кладя к себе на колени. Но все было напрасно, и веки тяжело закрывали ее глаза.

— Норсмор, — сказал я, — вот моя шляпа. Ради бога, скорее воды из ручья!

Почти в ту же минуту он уже стоял около меня с водой.

— Я зачерпнул своей шляпой, — сказал он. — Вы не ревнуете?

— Норсмор... — начал было я, поливая водой ее голову и грудь, но он свирепо прервал меня:

— Да молчите вы! Вам теперь лучше всего молчать!

У меня и в самом деле не было большой охоты говорить. Мои мысли были всецело поглощены заботой о моей любимой и ее жизни. Итак, я молча продолжал свои старания оживить ее, и когда шляпа опустела, возвратил ее Норсмору с одним только словом: «Еще!» Уж

не помню, сколько раз он ходил за водой, как вдруг Клара открыла глаза.

— Ну, — сказал он, — теперь, когда ей стало лучше, вы можете обойтись и без меня, не так ли? Желаю вам доброй ночи, мистер Кессилис!

И с этими словами он скрылся в чаще. Я развел костер, потому что теперь уже не боялся итальянцев, которые не тронули мои оставленные в лагере скромные пожитки; и, как ни потрясена была Клара переживаниями вчерашнего вечера, мне удалось — убеждением, ободрением, теплым словом и теми простыми средствами, которые оказались у меня под рукой — привести ее в себя и несколько подкрепить физически.

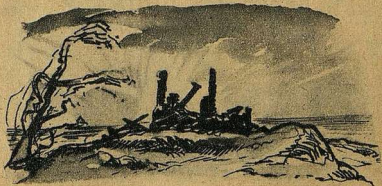
Уже совсем рассвело, когда из чащи раздался резкий свист. Я вскочил на ноги, но сейчас же послышался голос Норсмора, который произнес очень спокойно:

— Идите сюда, Кессилис, но только один. Я хочу вам кое-что показать.

Я взглядом посоветовался с Кларой и, получив ее молчаливое согласие, оставил ее и выбрался из расщелины. На некотором расстоянии я увидел Норсмора, прислонившегося к стволу. Как только он заметил меня, он зашагал к берегу. Я почти нагнал его, еще не доходя до опушки.

— Смотрите, — сказал он остановившись.

Еще два шага, и я выбрался из чащи. На всем знакомом мне пейзаже лежал холодный, ясный свет утра. На месте павильона было черное пожарище, крыша про-

валилась внутрь, один из фронтонов обвалился, и от здания по всем направлениям тянулись подпалины обгорелого дерна и кустарников. В неподвижном утреннем воздухе все еще высоко вздымался прямой тяжелый столб дыма. В оголенных стенах дома ярко тлела куча головешек, как угли на тагане. Возле самого острова дрейфовала парусная яхта, и искусные руки гребцов быстро гнали к берегу большую шлюпку.

— «Рыжий граф!» — закричал я. — «Рыжий граф!»! Ну что бы ему быть здесь вчера!

— Осмотрите карманы, Фрэнк. Где ваш револьвер? — спросил Норсмор.

Я повиновался и, должно быть, смертельно побледнел. Револьвер мой исчез.

— Вот видите, вы опять в моей власти, — продолжал он. — Я обезоружил вас еще вечером, когда вы нянчились с Кларой. Но сегодня, здесь, нате ваш пистолет. И без благодарностей! — крикнул он. — Не терплю их! Теперь только этим вы и можете взбесить меня.

Он пошел по отмели навстречу шлюпке, и я шел шагах в двух за ним. Проходя мимо павильона, я остановился посмотреть на то место, где упал мистер Хеддлстон, но там не было никаких следов не только его тела, но даже крови.

— Грэденская топь, — сказал Норсмор.

Он продолжал идти до самого берега бухты.

— Дальше не надо, — сказал он. — Если хотите, отведите ее в Грэдэн Хаус.

— Благодарю вас, — ответил я. — Я постараюсь устроить ее у пастора в Грэдэн Истере.

Нос шлюпки зашуршал по гальке, и на берег с веревкой в руках выскочил один из матросов.

— Подождите минуту, ребята! — закричал Норсмор и добавил тише, только для меня: — Лучше бы вам не рассказывать ей ничего об этом.

— Напротив! — воскликнул я. — Она узнает все, что я сумею ей рассказать.

— Вы меня не понимаете, — возразил он с большим достоинством. — Этим вы ее не удивите. Другого она от меня и не ждала. Прощайте! — добавил он, кивнув головой.

Я протянул ему руку.

— Простите, — сказал он. — Я знаю, это мелко, но для меня это слишком. Не хочу этих сентиментальных бредней — седовласый странник у вашего домашнего очага и все такое прочее... Наоборот, надеюсь, что никогда не увижу вас обоих.

— Да благословит вас бог, Норсмор! — сказал я от всего сердца.

— Да, конечно, — протянул он.

Мы спустились к воде; матрос помог ему войти в шлюпку, оттолкнулся от берега и прыгнул в нее сам. Норсмор сел к рулю. Шлюпка закачалась на волнах, и весла в уключинах закрипели в утреннем вбздухе резко и размеренно. Когда из-за моря поднялось солнце, они уже были на полпути к «Рыжему графу», а я все еще смотрел им вслед.

Еще немного, и рассказ мой будет окончен. Остается сказать, что через несколько лет Норсмор был убит, сражаясь под знаменами Гарибальди за освобождение Тироля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ив. Кашкин. — Роберт Льюис Стивенсон</i>	3
<i>Глава первая. Рассказывает о том, как я заночевал в Грэденском лесу и заметил свет в павильоне</i>	9
<i>Глава вторая. Рассказывает о ночной высадке с яхты</i>	17
<i>Глава третья. Рассказывает о том, как я познакомился с Кларой</i>	26
<i>Глава четвертая. Рассказывает о том, каким необычайным образом я обнаружил, что я не один в Грэденском лесу</i>	36
<i>Глава пятая. Рассказывает о встрече Норсмора со мной и Кларой</i>	45
<i>Глава шестая. Рассказывает о том, как я был представлен старику</i>	51
<i>Глава седьмая. Рассказывает о том, как мы услышали сквозь ставни одно только слово</i>	57
<i>Глава восьмая. Рассказывает о конце Хеддлстона</i>	64
<i>Глава девятая. Рассказывает о том, как Норсмор осуществил свою угрозу</i>	72

Для старшего возраста

•

Ответственный редактор *М. Поступальская.*
Художественный редактор *Б. Дехтерев.*
Технический редактор *В. Артамонов.*

•

Подписано к печати 15/X 1946 г.
5 п. л. (4 уч.-изд. л.). 35 000 зн. в п. л.
Тираж 45 000 экз. А00354. Заказ № 1162.
Цена 3 руб.

•

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцевский вал, 49.

1502

Цена ~~3~~ руб.